

«Бог неба – Бах, Бах неба – Бог». К. Кедров

Ж У Р Н А Л

№ 7 (19) ̄ 2005

Э Т О В

АХ БАХ

АХ БАХ

УНИВЕРСИТЕТ НАТАЛЬИ НЕСТЕРОВОЙ

А л ь м а н а х
«Журнал ПОэтов»
№ 7 (19)
2004

АХ БАХ

Хроника событий

На презентации предыдущего номера «Журнала ПОэтов» в в зале Ученого совета Института философии РАН академик А.А Гусейнов сказал:

«Я приветствую вас в стенах нашего Института философии. Для нас очень важно и ценно, что такое уникальное явление, как очередной номер философско-поэтического журнала, представляется именно здесь. Никто не знает, каким образом все обернется и что выйдет из мероприятия, которое мы сейчас здесь осуществляем. Если мы посмотрим на 100, 200 и более лет назад, там возвышаются определенные вершины. Но в свое время эти вершины не были так видны, и только время их выделило. Точно так же можно сказать про этот журнал, совершенно уникальный. В моем представлении он как бы опредмечивает творчество в чистом виде. Творчество всегда предметно, и философское, и литературное, а вот здесь творчество представлено в чистом виде. Короче говоря, сегодня этот журнал, как и все в целом это поэтическое содружество, не остается незаметным, оно известно в целом, само по себе, и благодаря людям, которые создают лицо этого движения. Благодаря Н. В.Нестеровой, К.А.Кедрову, В.Л. Рабиновичу А.А.Вознесенскому. Я предполагаю, и ничего невероятного в этом нет, что пройдут многие годы и этот журнал, и все дело, которое вокруг журнала существует, выделится из общей массы и засияет очередной большой вершиной нашего отечественного и более широко – всемирного творчества, тем более что журнал этот, как я понимаю, всемирный».

21 марта мы широко праздновали 5-й Всемирный День Поэзии, учрежденный ЮНЕСКО. Днем – в музее Декоративно-прикладного искусства у Натальи Вяткиной, а вечером – на Арбате в галерее «А-3» у Владимира Опары. Там дебютировали студенты Академии поэтов и философов нашего университета Анастасия Правдина, Илья Макаров и Маргарита Аль. В выступлении также участвовала Елена Тахо-Годи (спустя полгода, а октябре она защитила докторскую диссертацию по творчеству А.Ф.Лосева). В финале вечера состоялся прием в ДООС в звании «огнезавр» легендарного Гарика Виноградова. А через день на презентации журнала в русском ПЕН-центре у Александра Ткаченко в ДООС вступила культовая писательница, автор «Около эколо» и «Равновесия света дневных и ночных звезд» Валерия Нарбикова (с возложением на голову стрекозы). Там же был принят в ДООС известный авангардный композитор, поэт и философ Лоренс Блинов (с возложением камертона) в звании «звукозавр».

А затем во главе с ректором Н.В.Нестеровой поэты Константин Кедров, Елена Кацюба, Михаил Бузник, издатель Елена Пахомова и книжный дизайнер Яков Красновский отправились на Лейпцигскую книжную ярмарку. Туда же прибыли обитающие в Германии ДООСы Сергей Бирюков и Алла Кессельман, а так же наши постоянные авторы Алексей Парщиков, Хендрик Джексон, Бернхард Замес, Елена Сазина, Сергей Гуданов. Газета «Европа-Экспресс» назвала приезд русских поэтов – самым значительным литературным событием ярмарки. Во время посещения кафе напротив Томаскирхе, где всю жизнь организовывал Бах, родилась идея выпуска этого номера, посвященного великому изобретателю рояля и самому органичному органисту. Газета «Европа-Экспресс» назвала приезд русских поэтов – самым значительным литературным событием ярмарки. Во время посещения кафе напротив Томаскирхе, где всю жизнь организовывал Бах, родилась идея выпуска этого

номера, посвященного великому изобретателю рояля и самому органичному органисту.

По возвращении на родину, Константина Кедрова ждал сюрприз: он оказался лауреатом премии «GRAMMY.ru» (<http://www.grammy.ru>). 11500 пользователей Интернета назвали главным поэтическим событием года его поэму «Компьютер любви», написанную 20 лет назад. По такому случаю газета «МК» разрешилась от долгого поэтического поста и опубликовала поэму. 5 августа А.Караулов на ТВЦ посвятил программу «Русский век» поэзии К.Кедрова. А канал REN^{TV} передал веселый репортаж Ольги Ганнушкиной из квартиры поэта.

При активном покровительстве академика РАО С.О.Шмидта издательство «Русский мир» выпустило исследование нашего автора В.М.Мешкова (старшего научного сотрудника Российской государственной б-ки) «Арбат предо мною». Среди поэтов Арбата, чей список открывает легендарный дядя Пушкина, Василий Львович, есть наши постоянные сотрудники и авторы: А.Вознесенский, К.Кедров, Е.Кацюба, Л.Григорьева (Лондон). Вышел сборник К.Кедрова и А.Витухновской «Онегин – Твистер» в жанре бурлеска, отмеченный в «Экслибрисе» рецензией В.Нарбиковой «Классика от балды». Сборник А.Парщикова «Соприкосновение пауз», изданный в «Манеже» и чуть было не сгоревший вместе с ним, все же уцелел. А.Альчук и Н.Азарова выпустили экзотическую книжку «5 7 5 7 7. Переписка в форме традиционной японской поэзии». У О.Ильницкой в Одессе напечатан сборник «Семь встреч с Богом». И, наконец, опубликованы материалы конференции в Институте русского языка им. В.В.Виноградова «Поэтика исканий, или Поиск поэтики», где много наших авторов.

В конце августа увидел свет фотоальбом ДООСа-линзазавра, заслуженного работника культуры, известного известинца Виктора Ахломова «Россия в лицах» (Изд. дом «Авангард»; дизайн В.Сирватко). Среди лиц альбома Д.С.Лихачев, А.Д.Сахаров, Стейнбек с Аджубеем, два Шостаковича – Д. и М., знаменитые исполнители Рихтер, Ростропович, Нейгауз, последний футурист В. Шкловский, неофутуристы – основатели ДООСа К.Кедров и Е. Кацюба, конечно же, А.Вознесенский и Б. Ахмадулина, задумчивая Г.Уланова и стремительная М. Плисецкая, О.Лундстрем... Да всех и не перечислишь. Богата лицами Россия, и приятно, что наш университет слегка пополнил это богатство.

20-летие ДООСа мы отмечали в сентябре в Литмузее в Трубниковском пер., а в начале октября вышла книга К.Кедрова, В.Нарбиковой и Е.Кацюбы «Сквозь К», посвященная этому знаменательному событию.

Презентация книги прошла в «Арт Медиа Центре TV-галерея» у Нины Зарецкой, которая сняла и показала первый сюжет о ДООСе в начале 1991 г. по тогда еще советскому телевидению в программе «Шок-шоу». На вечере мы посвятили Нину в ДООС (с возложением меча и телекамеры) и Алину Витухновскую в друзья ДООСа (с возложением меча и мексиканской стрекозиной мухи).

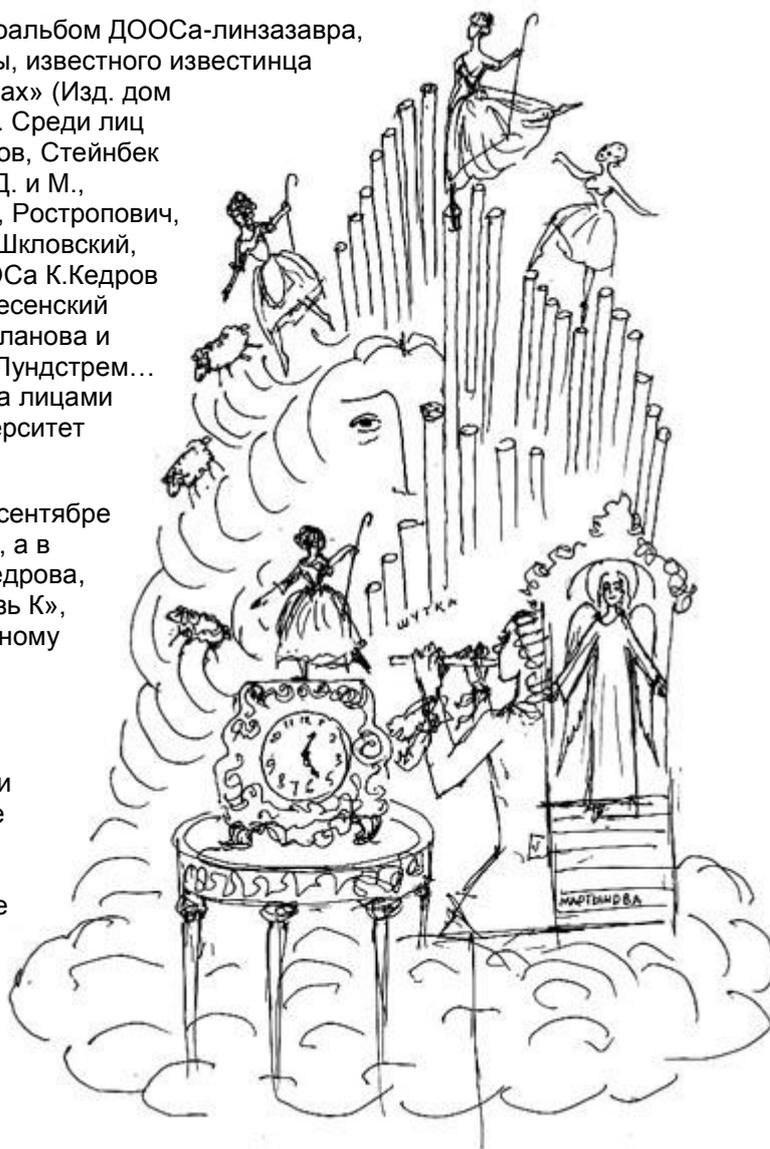

Рисунок Алены Мартиной

Алексею Зубову

Стебли росных ландышей
сакс напоминал.
Я нашел в Лос-Анжелосе
Зубовский бульвар.
Зубов улыбался,
кумир антипопсы.
Как прорези на базе,
висят усы.

Ударник, старый мальчик
Бледней нашатыря.
Семь лет не брал он палочки
в глуши монастыря.
Зуб, улыбнись, как ножик!
Лицо, как падишах,
как стул на венских ножках,
уселось на усах.

Лёха, гни коленца.
Принц моих детских лет,
будто Лех Валенса,
усач и диссидент.
Буди интеллигенцию,
интеллигент.

Гуляют по Зубовской улице.
усы жирные, как устрицы
Вместе с усами Бен Ладена
озвучены Би-Лайно.

* * *

Деньги пахнут будущим,
тем, на что их тратили.
Для детсада булочкой
или же терактом.
Деньги пахнут жизнью,
мыслью миллионов.
Пахнут потным жимом
нищих чемпионов.
Деньги пахнут женщиной,
страстно мотовкой,
чуждой сбереженщине...
Новенькой церковкой.
Богом деньги пахнут,
детским марципаном.
Баху, как и Пахмутовой,
нужны меценаты

Русский камикадзе,
по ком дивертисмент?
Кто сказал, что эмиграция – это смерть?

Разве только в эмиграции
есть Русь?
Шевелится сакс играющий,
как третий ус.

От Нью-Йорка
до Сургута
общий вкус
наши внутренние трубы
ждет Исус.

Воет саксофон, как трупный
третий ус

Баху Бахусы
усища
упоительное лассо.

Усысши

Уссысши

Усё.

Пахнут волей, Господи.
Иногда тюрягой.
Чем больше копите,
больше их теряете.
Впрочем, неприлично
говорить о деньгах,
как хвалится лично,
сколько трахнул девок.
Живите незапахнуто
даже те, кто в розыске.
Удобренья пахнут
будущими розами.

Рубаха ги
собака ги
летят под Баха
ту-ру-ру
Но сердцу хочется согреться
и потому-то утром рано
тебе из пачки сигаретной
сыграют трубочки органа

Елена Кацюба

ДООС

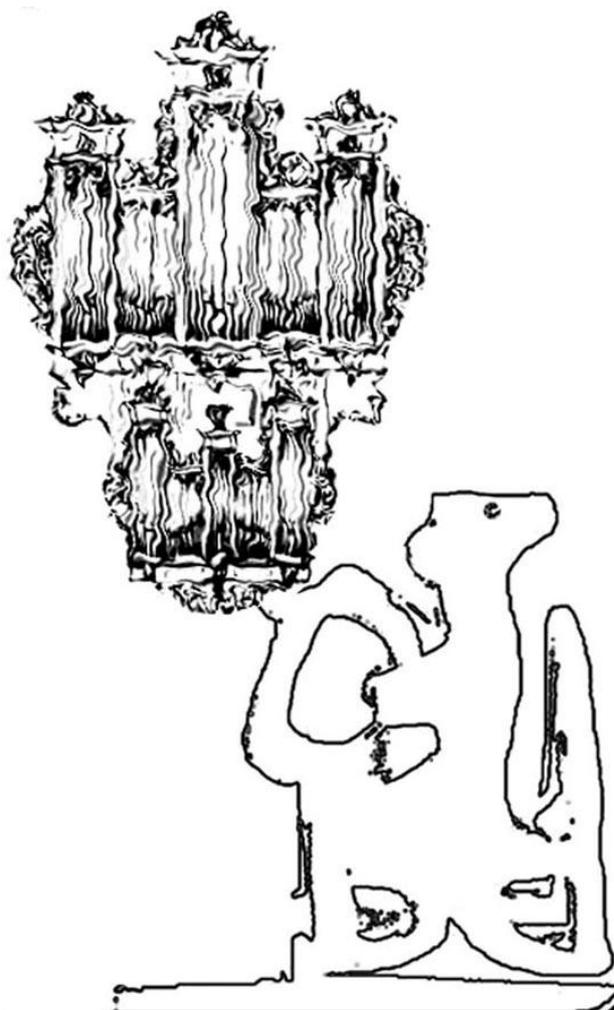
Закат

Аргонавт Орфей
фейерверком лиру развернул
пальцами струны переплыл
приструнил Сирену
море умиротворил
богов уладил
Горизонтом запада
возлежали богини
Закат руно золотил

Оргонавт Бах
в тигле Лейпцига лады плавил
возгонял звуки
в каменной реторте
Томаскирхе
Готики закат
золотил парик Баха –
руно барокко

Боги плескались в звуках лиры
боги бурлили в трубах органа
каждая труба выдувала бога
боги шарами летали в небе
Фьордами фуги Орфея-Баха
в ореоле ауры
плыл орган – Арго

От Орфея-Баха
формула Фейербаха:
«Человек человеку – Бог».

Предчувствие органа.
Фото-графика Елены Кацюбы

Муха Баха

(Циклодром)

Рисунок Андрея Врадия
Специально для ПО

**Анатолий
Гринвальд**

Лейпциг,
Германия

* * *

Мой Лейпциг беден. Ходит бедный Бах
По Лейпцигу в залатанной рубахе.
Не знаменит. Гоним. Несчастлив в браке.
Сшибает у туристов на табак.
В подвале грязном Гёте пьёт «Кадарку».
Заходит Фауст – сразу лезет в драку.
Вбегает санитар с кресло-каталкой,
Ремнями, как бантами на подарке,
Завязывает Гёте и увозит
В больницу на окраине. Там воздух
Настолько чист, что ночью видно звёзды.
Там добрый доктор с бородёнкой вострой –
На Мефистофеля манерою похожий –
Лезть в душу фразами, иглками – под кожу
Приходит по ночам и корчит рожи.
Там очень страшно. Тело долбит дрожью.
Все формы там сливаются в одно,
Из зеркала глядящее, пятно.

СВЕТ ЛЕГКИЙ

1. Слепок агоний.
Ангельские языки
нетления –
в горизонт
раздробленный
врываються.

Дыхание
приостановилось.

Так близка
неприступная
лёгкость света –
облик Helene.
2. Семя раздавленное.
Трясина – как бабочки.
Вот и век Новый.
Сирень лгушая.

АГОНИЯ ГАРМОНИИ.
АГОНИЯ ГАРМОНИИ.

Ветер безуспешно
перелистывает книги –
обжигая обратный
ход Слова.
3. Как чаша Бытия –
опрокинутая,
граница потустороннего
К белизне
теснящихся стихий –
обращена.

И вдруг –
глаза пчёл
солёные,
стали похожими
на воронки земли
уставшей.
4. Между мирами
недолговечность...

И сквозь всё
сущее –
полдни
пеленают –
серебряные ленты
стужи.
5. Души сплетённые –
Слово невесомости
облегчили.

Перемещённые лучи
крыльев – вмиг
истончены.

И всюду стрекозы:
как сияющие серьги
Helene –
в порыве восхищения
отражены.
6. Синие сны птиц –
как разум
розы белой.

И в недоговоренности
бездонной –
уязвлённая душа
лунную топь
вбирает.

Молниеносные жаво-
ронки –
сомнения бытия
разносят.
7. На виноградниках
горных,
в стержнях лазури –
кровь кипит.

Далекая пелена
безмерности
созревает
в кружении...

Скорость огней
исхода –
невыносима.

Рисунок Бориса Лежена

Борис Лежен

Париж,
Франция

Вкус света

Резко брошены тени аркад световых. Мы остановились под каменной дугой. В руках легкие вазочки с цветными шариками мороженого. Ты желаешь попробовать местное мороженое?— предложила она, роняя на каменную скамью здешние слова.

Во рту тает сладко предсумеречный свет.

Подымаемся к вершине горы паломническим путем к храму. Каменные пролеты крутой лестницы начинаются в центре города перевернутым горлом шахты устремляясь вверх. Нас обгоняют, навстречу бегут кровеносно атлеты. Паломнический путь ведь тоже тренировочный пробег. Верх низ. Ступени вовсе как годы счетно нечетны. Тела устремлено убегают вдогонку.

Наверху в храме женский образ, обрамленный камнями. Её взгляд вне поиска точки схождения, не ищет остановиться на чем-то. Глаза как жемчуг в ожерелье нанизаны на нить горизонта, друг за другом уносятся в дальность, исчезая, как тают льдинки на ресницах в теплой прихожей, стекая прозрачно.

Прносящиеся навстречу воспоминания неожиданной обнаженности.

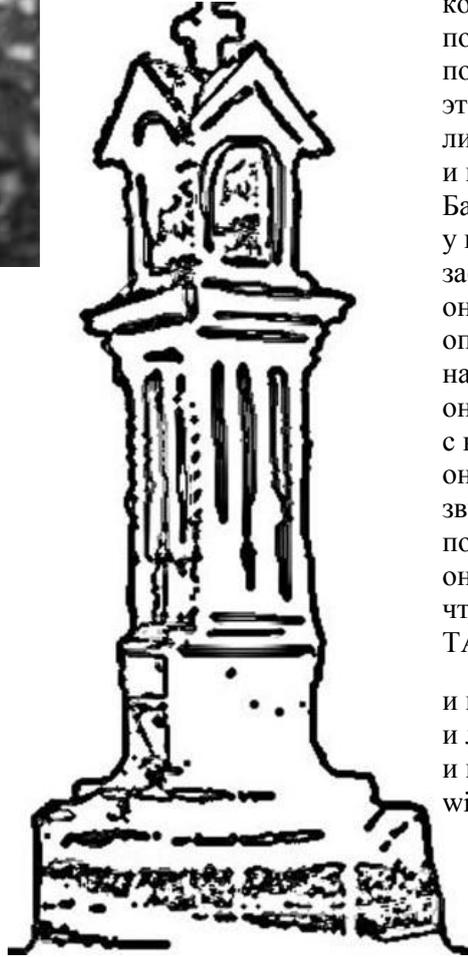
Несколько чистых цветов

(Из книги « Предисловие к взгляду»)

1. О темнота, темнота, ты рассыпаешься взглядом черной пыли обожженных костей.
О чернота, корень слова твой темен и глубок, зрачок, поглощающий свет, в нем плавится свет в неповторимость виденья.
2. Золоченая охра раскрывается в фоне икон, сцена дальняя пришедшего вечного дня.
Так начинается, зрима ночь в горенье высоком звезд и сверканье кошачьих глаз.
Охра золотая подмигнет ресницами борозд свежевспаханых полей.
3. Зелень являясь в круженье упругом ветвей, касанием тонким листьев – ладоней стертых слепых с дробящейся множественно линией жизни, в согласии с ветром невидяще тянется к свету.
4. Белизна белой порошкой снежной покрывает мягко домов крыши, дороги, быстро идущих прохожих. Тает с оттепелью.
Крупницы снега – атомы взгляда, видений вещество.
Плавится хрустальное острие взгляда в телесной близости отброшенных когда-то в забытье жарких фигур желанья на белом памяти экране.
5. Пурпур бьется височной жилкой.
Трепещет алым одеянием ангелов в полете эфирном, трубящих празднество времени, его очевидность.
Вспыхнет красно открытыми розами тел, в разбеленно-кадмиевом цвете лепестков.
Проявляется в свете, льющемся сквозь закрытые веки.
6. Лазурь покоится на серебряном подносе моря.
Выгнута сфера синевы безупречным радиусом взгляда.
На серебро моря опрокинута голубизна чашей с вкраплениями белил пенистых облаков у её края.

Баховский
«скворечник»
в Лейпциге

ХоРоШо ТеМПеРиРоВаННый ТеКСТ

Мы стояли у Баха
Бах сидел в скворешне
это в Лейпциге было
конешно
по-нашему в Липецке
по-польски в Липске
это все потому что
липы
и потому лепо
Бах сочинял
у него ноты
застряли в парике
он идет налегке
опираясь
на скрипичный ключ
он ручьем сбегает
с небесных круч
он распространяет
звучарность
по окрестполям
он как будто знает
что будет
ТАМ

и вот уже крылышкуют стрекозы
и лепесткуют розы
и музыка тает на губах
wirklich – Bach!

Кудри стихов

истык
мудык
кудык
музык
булык
булдык
вообще
кулдык
балык
малык
вык
или
от вык
или
от стать
приез
низ
верх
приз
зри
п

10-строчный сонет

где летящий берег
дег ветра снег
гнес раствер негс
весел ли вес
вот те ли вет
лю вет ли
ли сат лю
ри ват эр
кра са
ви ца

(Пере)(при)ключение эпитета

эпитет выходит из волн
он волен из бега разбиться
как ему тут находиться
если он вдохновения полн
как ему быть в этой теме
или выть в самом деле
у него мысль в теле
и тут вскрик цикады
как будто вызрел
и песнь выпел
легко так без надсады
мы стремимся к другим берегам
где есть воля как будто
где вроде утро
шагадам-магадам

Евгений Степанов

Он

кобзарь
озарь
грандиозарь
виртуозарь

29.06.2003
Новослободская

* * *

Н.З.

лицо
лучина
крыльцо
кручина

23.11.2003
Чебоксары

Фатима Цаголова

А жизни ось – вода:
оттуда вышли
и уйдем туда,
и уровень ее все выше,
выше.
Вы слышите –
она под нами дышит,
и от дыханья задыхаясь
крыши –
уже дрожат.
Шумит вода-беда,
и чья-то жизнь –
безвинная всегда –
уже последней каплей
набухает –
с т ы д а.
И стон напрасных жертв,
и их стада –
становятся потоком –
тогда,
и страшен цвет
последнего потопа,
и в небе красном –
красная звезда,
как глаз циклопа.

* * *

райцентр
ни цента
рай
центр любви
эмма сергеевна
женя вынеси ведрушки
борщ котлеты
жена говорит
ты хороший переводчик
с французского
пятиэтажный двор
помойка
роща
шапка набекрень
мост
ухожу
впереди
аравийская пустыня мно-
гих встреч

3.02.2004
Есенинский бульвар

Сиреневый сон

вот камень странный и –
бабочки летящий отпечаток
на нем

живая
и как истинно живая –
да в камень

уж если превращаться
так совсем –
с душою

летит лежачий камень
и поет –
крылато

ты слышишь звук
сиренево-лу-чистый?
ты слышишь

то сон твой лучший
зреет тихо-тихо
во мраке

Манифест

проза не зевгма
стих не проза
гзи-гзи-гзео
аве оза

золото лоз
сильная доза
зелья доос
стих не проза

6.04.2003
Чебоксары

* * *

люби до
люби после
либидо
не sos ли

23.11.2003
Чебоксары

Рисунок
Кристины Зейтунян-Белоус

Легенда Долины Царей

В какой из пирамид
шар Вечности златой?
В какой?
В той, что мерцает
под твоей рукой.

2002-2003

Алина Витухновская

Множество

На лице несоответствий
Цель его уловок светских.
На кольце цены прелестной
Тень его ночных обид.
Он обряд несочиненный
Прочитает, пораженный
Тем, что в звуках поглощенный,
Он иной, нутра лишенный,
Нищий, смыслами сраженный,
Выражаемым звучит.

Он как НОЛЬ –
Округлость цифры,
Бесконечно-безначален.
Он как «НО»
За стройным шифром
Цифр-ответов к дну печали.

Он – ОНО.
Он – карлик в цирке.
(В люльке смерть его качали.)
Он пято
На дне пробирки,
Где микробов повенчали.

Как игла
Торчит из неба
Непространственно, отдельно.
Как игра,
В людей,
За нею
Все неценно, все бесцельно.

Для вас он делается черным.
Для вас он делается чертом.
Для вас он будет только «Что ты?»
«Да ничего».
Мы дети имени его.

Предчувствуя его пришествие,
Причешем листья комнат вверх.
Он кинет мозг на мутный снег,
Раскроет щели спящих век,
Погладит воздух против шерсти,
Совет петлю опасных рек,
На шею вскинет грязный век,
И притворится сумасшедшим.

Он брызг
Слезы, в пустом стакане.
Он траурный салют весне.
Он крыс
Король, принц датский Гамлет,
Нарцисс
С ослепшими глазами,
И низ, и верх,
И нутрь из вне.

Игорь Ревякин

Специально для ПО

Он ум
Безумства и безутра.
Он у...
И возле...
И везде...
Суть мест,
И месяц страшных суток,
И паутина на звезде.

Двадцать четыре
И двенадцать.
И даты
Будущих картин.
И вымысел
Без декораций
Настолько многий
ЧТО ОДИН.

Арт Ива́нов

Хабаровск

* * *

я мейерхольд с глазами герники
жду перспективного конца
таблетки — солнце
нет уж тех с кем
вровень лет я мог бы

Орать песни-песни

одно всегда — а где бы я не слышал
густеет кровь зеленым отблеском плоскости
телефонный твой муж затёрся
и платок девичьей обиходной судьбы
в какую-нибудь даль исчез
гранитные полированные улицы
без тебя — моё чувство.

Кристина Зейтунян-Белоус

Париж, Франция
ДООС

Маски

Н.Белоус

Душа под маской как улитка спряталась,
утратив навсегда свое лицо,
и смотрит обреченно, тихо и устало
на публику пустое домино.

И мягкие как щупальца перчатки
Сплелись вокруг бокала с крашеной водой,
И плавает понуро отблеск шаткий
исчезнувшего взгляда надо мной.

Но – чур! взметнется плащ над мрачным силуэтом,
с тряпичным сердцем справится кинжал,
чтоб вечно правил бал по всему свету
красивый и жестокий карнавал.

Камень

Камень замкнут в себе и собою доволен.
Он молочную мякоть свою бережет.
И звенит отголоском немых колоколен
Одинокой души созревающий плод.

Анатолий Кудрявицкий

Дублин, Ирландия

Пастбища стареющих мужчин

Овца номер двадцать два
овца номер двадцать три
а ведь это не счет теней
на сон грядущий
а ирландское пастбище

овцы подставляют дождю
красные номера на спинах
коровы теснятся к Атлантике
человеческие запчасти
стареют в сараях

Ржаво

и грибковатые стены
пахнут чужой юностью
каблукотанцами

«Женщины здесь не выживают», –
сказала мне женщина восьмидесяти лет

Кизи

На острове Кизи,
где небо ближе
к земле,
в змеином клубке облаков
застрял
чешуйчатой звонницы голос.

Здесь чаек скрежет
слух не режет.
Подари мне на память,
остров грез,
сухой букет
голубых стрекоз.

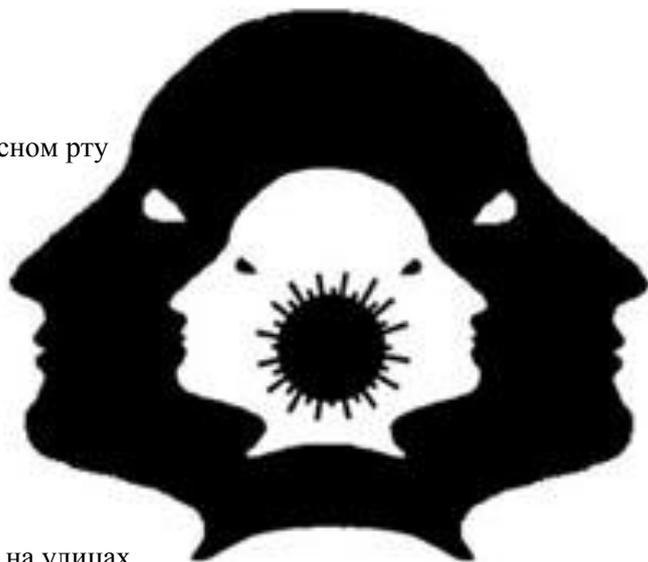
Кибер

Рисунок
Кристины
Зейтунян-Белоус

Александр Ткаченко

* * *

Вот и ты уже вскоре пойдешь за облаком женщины,
на запах духов и кожи ее дурманящей
как по следу маленькой рыси в дебрях города...
Как всегда ты думаешь о вселенной
и своем месте в ее величии и вдруг
тебе ничего не надо – дыхание сковано, ты замираешь,
она стоит на улице обыкновенной и светится как вход туда
куда стремился ты – к своему месту во вселенной...
Вокруг стоят и плывут женщины необыкновенной красоты
Но ты пошел за ней обыкновенной самой обыкновенной ибо она
была обыкновенная как сирень в саду как вода в реке и текла чуть сверкая
своею извилистой худобой прикрывая спину тяжелой косою распущенной
чуть прихваченной лентой у самого основания шеи...
Такая женщина и не моя – что же дальше спросила она
Я отвечу когда пройду
за тобой весь путь
Такая женщина и не моя
Сейчас у ворот мои мальчики
покажут тебе какая женщина и не твоя
сказала она и макнув палец в своем хищном и красном рту
мазнула меня по щеке навсегда пометив пороком
соблазном и страстью...

* * *

Как на пятнадцати камнях часы
наш город шел в пространстве и во времени
на пятнадцати ресторанах
и музыка разливалась огромными ковшами прямо на улицах
Подходите и пейте – все начиналось с рок энд рола, Чак Бэри, Клиф Ричард
ну и конечно Элвис Пресли.. .
Затем явились Битлз и окончательно перевернули все, а те кто
западал на Эдит Пьяф и Ив Монтане, на Фрэнк Синатре и на Гершвине
все больше понимали приобщенность к миру, что он огромен,
но если маленькая песня так нас объединяет,
или мелодия какая, то почему нам врут что мы враги, что другие,
увы мы сразу поняли на длинных волнах и коротких, что наши души плачут точно так же,
что руки наши ищут руки
в темноте,
а
не оружие, и что глаза влажнеют от сентимента в ноте музыкальной,
Я слушал Моды Блюз Пинк Флloyd Кинг Кримсон и Эллу Фитцджеральд и Луи Армстронга
и думал – зачем мне врут что там за длинными и за короткими волнами мои враги
Зачем мне врут, а втайне сами слушают все это...
И я все больше понимал что они,
боялись ядерного удара, а пропускали музыкальный...

Анжелина Полонская

Разлука

Но стены... Всякий раз я возвращаюсь к ним.
Разлука, словно смерть под мачтою во время шторма.
Темнеет. Головы лишённый нимб
луны неполной катится за штору.

Чем дальше, тем дорога всё страшней.
Пространство наши стережёт шаги, разбухнув мглою.
И та звезда всех сиротливей в ней,
что лист перевернёт на аналое.

Так, отворив однажды щеколду,
прозрев, уходят, чтобы не вернуться, в горы,
глядят на лес в оконную слюду,
и тащат зверя к собственному горлу.

Дождь моих дней

Длинные, тягучие жилы улиц
превращаются в Венецию – бурые гондолы палой листвы
перевозят пассажиров с муравьиными головами.
Бесплотными пальцами дождь перебирает шрамы в душах тех,
кто сложил своё оружие.
Зачем мне теперь глаза, если они не мерцают в твоей ночи?
Тогда я иду к четырём братьям зябнувшей колокольни,
и в первое же воскресенье отдаю их незрячим.
Зачем мне волосы, когда я не могу вплести в них твои желания?
И я срезаю их остриём осоки, что растёт в саду,
и отдаю лжецам, чтобы они могли прикрыть свою наготу.
В моей груди так велика пустота,
что сквозь неё видно птиц, вмерзающих в луну.
Боясь, что однажды, поднеся фонарь к моему лицу,
ты его не признаешь, я подзываю знаком гребца.
– Куда? – спрашивает он.
– К Солнцу

Рисунки Кристины Зейтунян-Белоус

Александр Моцар

Киев, Украина

Луна беременна уродом.
У морды волчьей кукишем луна застыла.

ты
ласково спросила:

– Как, человеческий разум тает:
– Он выскользнул, как мыло из руки,
Как слово из строки стер ластик.
Оставив жить вне смысла, вне природы,
Луну с зачатым в ней уродом

Александр

Бубнов

Курск

ДООСОД-палиндрозавр

АХБАХАБХА

Прозолибр,

или

Свободные литерософические тезисы

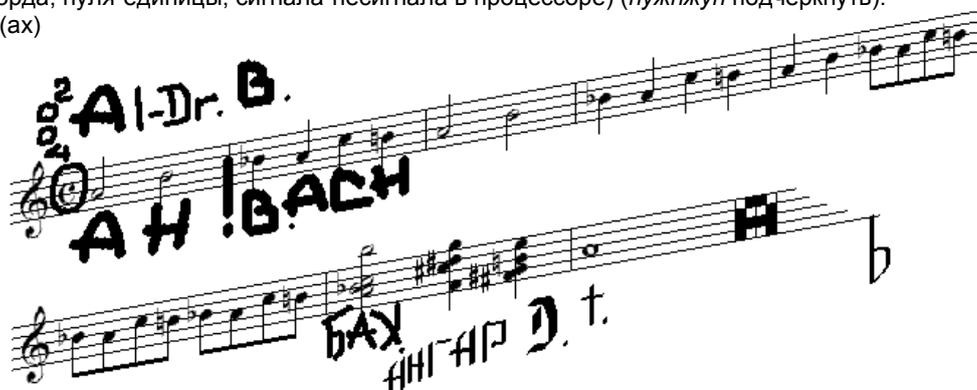
ОТЦУ

Литер-динамика развита-разлита во времени (Музыка) и пространстве (Текст, в т.ч. музыкальный). В литерологической [1] Формуле "А(с)h! Ваch!" все элементы (включая элемент авторского права) значимы музыкально, при условии муЗОВОЗведения Букв в степень Заглавных [2]: АН! ВАСН! /Ах Бахи Веди/ К многократно отражённой в композиторских зеркалах Фуге-Формуле Ручья ВАСН [3] прибавляется прелюдия междометия, в свою очередь насыщающего Имя новым междометно-кругометным (см. *кругозвучие* [9]) смыслом. При омонимическом заклипании-повторе (см. последнее примечание на с.17 прошедшего «Ж-ла ПО») фотопроявляется на плен(к)е русского языка (с его однокоренными логосами *конец* и *начало*) следующая Формула:

БАХ БАХ БАХ БАХБАХБАХБАХБАХБАХБАХ БАХ БАХ БАХ

Съёмка (дофотоисторическая) – скрытое изображение (деНОТат) – проявление (или ПОявление) на стран(н)ице (журнала) – негатив – ПОзитив. ПОследняя пара суть обращение (света, к свету, в свет, глагола, аккорда, нуля-единицы, сигнала-несигнала в процессоре) (*нужнжун* подчеркнуть).

А.(х) Б.(ах)

ХА – БА – ХА (!)

Всё – во – всё. Многоуровневость (*level*) языка музыки и музыки языка. Формула переходит в Формулу литерософически и палиндромически: буква – удвоение букв – слог, чтение слова – АНАграммирование – обратное чтение (АХ – ХА) [4]. Симметрический вибропоток Мысли отноСИтельно средней линии. Седьмой такт неба – тактильное ощущение всех двенадцати НОТОНов в свЕТОТЕНевых полутонах. Симметрия Инь и Ян. Свет и Тень, Форте и Пиано – две клавиатуры клавиесина-клавира, хорошо темперированного, правильно-*levelно* темперированного, благоустроенного, бахоустроенного. Седьмой день-такт как *ангар ранга* доминантного напряжения. Бахангард переходит в тоническую чистоту, и это его крест, скреплённый печатью чёрных квадратиков. >>ах(Эха),Бах(Эха)<<. (Ср. «Палиндром для струнного оркестра» Д.Моргана, «Палиндромический канон» С.Слонимского и т.п.) Поднимающаяся пятилинейная волна – ступени лестницы, с которой слезою бемольной упасть – *ха!бах!* – в пасть детства. СтаРость НЕ (–) радость детства. Отрицание-Я. *Лепет лепит, леп петле?* Петля ВРЕМЕНИ и Его же спираль. Сомкнутость ВселЕНной и Её же разомкнутость. Связанность и развяз(!АН!)ность (НЕСвязность) Мысли [5]. Связность есть НЕСвобода? Развязность есть свобода? Когда развяжу узел, *влезу* в Свободу? *Узел уз ел.* Свобода есть с-вязь-текст и свобода ест вязь текста – Мышью. *И шью мышью, мы ж Юмы...* [6] Мышь, открывая рот, думает, что ОК-кликает, но, закрывая рот, кусает, ест переплёт текст-иля; и ЛЯ- как начало буквомуз. ЛЯ-А!.. (!!А-Я?) Первосторг – вомеждометие, спиральногласно возвращающееся в самоидентификацию Я. Чей Бах? *Чей Ручей? Ру.* Ручей-Бах! Ru.Бах(а) Земли – русский Б-ах!!! Солнце сканирует листоВЕРТящуюся Землю. Из колонок запада-востока слышится музыка палиндрософических сфер [7]. АХБАХ – запад. ХАБХА – нечто индийское, сканируется Солнцем справа налево, с востока на запад. АХБАХАБХА уравнивает музыку Земли. *Од и то – от и до.* И.С.БАХ. И С ТО... История от >>ABLANATANALBA<< [8] до >>АХБАХАБХА<<. Абсолютная свобода... Выбора... несвободной Форм(ул)ы.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] См. *литерология* и др. авторские термины, скрывающиеся под невидимым («носорог!») цифропримечанием [9] в «Журнале ПОэтов», 2004, №6, с.16-17. Ниже [9] – их фотопроявление, с поправкой на новую тему.

[2] 1) Ср. с герметическим принципом соответствия ТОТа: «То, что находится внизу, аналогично тому, что находится вверху, и то, что вверху, аналогично тому, что находится внизу» («Измурдная скрижаль»). Палиндромно-хиазмическая формула принципа соответствия позволяет считать этот принцип одним из

основных в *палиндрософии* [9]. 2) Традиционно в теории музыки приняты следующие буквенные обозначения нот: А = ля, В = си-бемоль, С = до, Н = си и т.п.

[3] Ваch – 'ручей' (нем.).

[4] 1) АНА, аha, см. *листоверт* "aha-eye", «Журнал ПОэтов», 2003, № 5, с.36. Аналитическая философия основана в т.ч. на философском осмыслении языка, на лингвософии. 2) АХ-ХА. Ещё «Литературные Прибавления к Русскому Инвалиду» (во времена открытия Баха Мендельсоном) публиковали палин-

дромные загадки типа: "Я крошечное слово И выразить готово Печаль, испуг, плохой успех. Теперь меня переверните – И выйдет смех! Что ж я такое? говорите!" (цит. по: Хромов В. "Бегущий назад" // Наука и жизнь. 1966. №7. С. 76) Ответ: ах и ха.

[5] Ср. «речь, которая запутывает мысли» (Л.Витгенштейн), см. тж. «Журнал ПОэтов», 2004, №6, с.16-17.

[6] «Если единственным мотивом наших действий является желание показать свою свободу, значит, мы никак не можем освободиться от уз необходимости», Д.Юм. (Цит. по: П.С.Таранов. Философская афористика. М., 1996. С.476)

[7] «Вещи, принадлежащие, собственно, ко внутреннему миру человека, (...) предстают еще и в виде зеркального отражения того, что они суть в действительности. (...) Например, 265 означает в действительности 562. Шар мы видим таким, как если бы мы находились в его центре. Затем необходимо научиться правильно приводить этот видимый изнутри образ в истинный вид» (Р.Штайнер. Как достигнуть познания высших миров? Ереван, 1992. С.101)

[8] "К.У. Кинг указывает, что это слово означало "ты отче наш"; оно одинаково читается с обеих сторон и употреблялось в Египте как заклинание" (Е.П. Блаватская. Теософский словарь. М., 1994. С.18).

[9]

Фрагмент литерологического словаря авторских терминов А.Бубнова (с авторскими примерами)

КРУГОЗВУЧИЕ (циклофон) – слова, стихи, сегменты, фомтексты, переходящие друг в друга при повторении (часто совпадает графика – циклограмма): *скупа Лира / раскупали, носорога / рогоноса* и т.п. Аналогичные термины: кругометы (А.Вознесенский), кругосдвиги (Г.Лукомников). Подробнее см.: Бубнов А.В. Палиндромно-циклические формы: Кругозвучие. М., 1999.

ЛИСТОВЕРТ (сложение: *лист + верт, versus > verito*) – текст, стих, рисунок, дающий тот же или (чаще) иной текст (рисунок) при повороте листа на некоторое число градусов (чаще – 180). Сокр. от термина Г.Лукомникова «листовертень».

ЛИТЕРОЛОГИЯ – специфическая дисциплина на стыке филологии, искусствоведения и некоторых других наук. Формы, исследуемые литерологией (литерологические формы), простираются от акростиха, тавто- и липограмм через разного рода анаграмматизм до форм, максимально строго использующих букву: палиндроциклические формы, многие формы визуальной поэзии, графический дизайн, товарные знаки и т.п.

ЛИТЕРОСОФИЯ – специфическая дисциплина на стыке литерологии и философии, осмысливающая, в частности, литерологические формы с философских позиций.

НЕОДРОМ – палиндромный неологизм: *ахбахабха* (индийское), *нужнжун* (корейское), *потс-нон-стоп* (международное) и т.п.

ОМОГРАММА – см. *пантограмма*.

ПАНТОГРАММА (*омограмма*) – графическая (буквенно-точная) панторифма, графический панторим: *узел / уз ел; Чей Ру-Чей? Ру; поэтом улетаю / поэтому летаю*. См.: Бубнов А.В. Лингвопоэтические и лексикографические аспекты палиндромии: Дис. ... д-ра филол. н. Орёл, 2002. С.55-57.

ПАЛИНДРОСОФИЯ (*палиндромософия*) – область филологии, осмысливающая палиндромию в целом: в языке, литературе, живописи, музыке, а также в математике, физике, биологии, химии, биохимии (палиндромия в ДНК) и т.п. Философские составляющие палиндромии отражены в широком исторически-концептуальном диапазоне: от древнеегипетских принципов герметизма ТОТа до отдельных теорий и практик Р.Штайнера и созвучных ему "пространственно-временных" идей В.Хлебникова (хлебниковская формула "двойного течения речи" может быть применена шире для многих

палиндроциклических форм, в частности, для *пантограммы*); от ОроборО (змеи, кусающей свой хвост, ср. *ах* как хвост слова *Бах*) до ТурруТ'а (Носорога «Невидимого», см. прошлый номер «ПО»).

СЕГМЕНТОПРОМИЯ – палиндромическая сегментация, укрупнение элемента палиндрома от буквы до сегмента (слога, слогосочетания). Формула АХ БАХ при преобразованиях АХ=А и Б=В переходит в палиндромическую формулу АВА.

ЦИКЛОДРОМ – циклический палиндром; палиндром, который (может быть) записан в виде круга и одинаково (или с вариациями) читается по часовой и против часовой стрелки, например, посвящение *Туру* от *Баха* (прошлому номеру «ПО» от нынешнего). Циклодром может сочетаться, например, с анаграммой и палиндромом: АХ – АХАХАХА – ХА.

ЦИКЛОФОН – см. *кругозвучие*.

ТРИ БАХОСТИХА

ах

ах

ах

ах

ах

Бах

х
ах
бах

ру . бах

(ручейный БАХ?)
(русский БАХ?)
(...?)

х х х

ах ах ах

бах бах бах

стих

тих

их

х

Вилли Мельников

ДООС – лингвозавр

К.А.Кедрову

Вы не научились бы отличать вздохи цветочных оттенков от бездыханности их выцветлости, если бы перед тем не выкристаллизовали на иероглифах дождя книгу пустыни, переплетя ее страницы-новолюбья бечевками молний не родившихся гроз. Ваше солнце не бывает ослеплено своим всевиденьем, читая книгу затмений земли. Еще одно небо вымощено ветрами ваших взоров, – и шаги узнаваний смыслов по брусчатке ресниц спрашивают у воспламенеба: какого цвета различие между предснежием и послепламьем? И какая из пауз станет их переводчицей? Перевод же поэзии – это принудительное пробуждение межстрочий, изможденных непониманием необходимость перевода. Ваши стихи перестают быть манежем для испытаний очередных толмачных подков. Ваши стихи подсказывают скачущим междусмыслиям: как не сбить ноги о скалистошиповатые непереводкости, споротые аллюром оригинала с иноходи пересказа!

Оригинал на языках:

тлинкит (индейцы западного побережья США и Канады), фракийский (Балканы), каттьюжд (Австралия), суэрма (Эфиопия) древнеславянский (дреговичская глаголица)

Света Литвак

* * *

тва или окунь в иле приле
зú-зú-зú-зú-зú-зúосá
гли как бычки в могиле ус
сé-ву-о-ó-о-ó-зиóса
лыхали ящерицы куз

нечика слово плохо прохо
нá-и-зиóса-зúосá
дило в капустницу суро
т-н-т-н-я-б-зиóса
вую для аиста был пус

тым жёлтый жук гудевший и ле
нé-зиосá-зиóса-кó-ко
тавший в пруду тритон сын чис
тó-бе-бе-бé-бе-бé-зиóса
той влаги у лягушек жиз

ни кенгуру ушами хло
ó-но-го-тá-са-зúосá
пает ерша съедает рус
зúоса-чú-мо-мó-зиóса
ский носорог прекрасно обхо

дится уха без шуки ры
úди-зиóса-нá крыльцé
бака бекас поймает и гло
я-зиосá-зиóса-я
тает змея, а может пло

* * *

исхудалые коровы стынут у дороги
опростав худое вымя, опустивши роги

рабской Родины «взвилось заревое знамя»
полноликий мусульманин, жаль – и ты не с нами

факультетская ищейка, аспирантский сыщик
конспиратор университетского кладбища

к небу руки воздеваешь, омываешь ноги
а тихоню так и тянет подвести итоги

на хиджаб пиджак наброшу, выглажу пижаму
губы вымажу помадой, тушью и гуашью

на протянутой ладони каверзны вопросы
на мосту народ скидает считанные доски

Пригов Дмитрий Александрович

Обаяние усталого письма

Уж как над нами коммунисты
Неимоверно издевались
Сейчас поймать бы вот такого
Коммуниста
И точно та же поиздеваться бы над ним
Да нет на то, увы, мне сил
Если б и сам он попросил –
Не получится
Умения нет
Воли нет
Беспамятства и высшего предназначения нет на то

Поджарь, поджарь меня, как ножку
Пекинской утки император
Китайский – но совсем немножко
Чтоб духовидец и нарратор
Сказал в грядущем обо мне:
Вот, на божественном огне
Чуть-чуть опалился
Великий

Вот кошка притворилась мертвой
Ан, и вправду – умерла!
Так сильно притворилась мертвой
Что вот и вправду умерла
А как же дальше-то ей жить? –
А вновь живую притворить-
Ся
Если, конечно, в глубине живого абсолютного притворяния осталась
возможность обратного претворения мертвого в живое

Воскресный день, иду за птицами
То есть следить, как они в воздухе
Сверкая огненными спицами
Мелькают чистые без роздыха
Подобно ледяным снегам
А после тихие к ногам
Моим
Ложатся

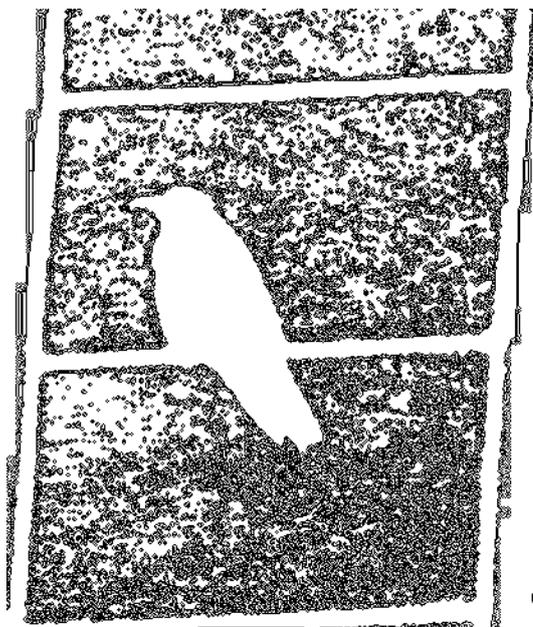
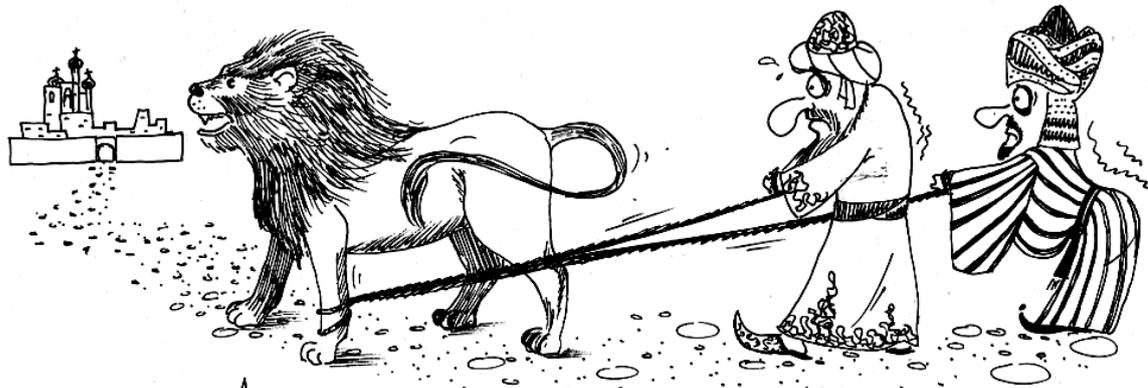

Фото-графика Елены Капюбы.

Арий Земель

Чикаго, США

Лев на веревке дядек в Ереван вел

Нарисовала палиндром А.Земеля Оксана Голубева

Алексей Парщиков
Кельн, Германия

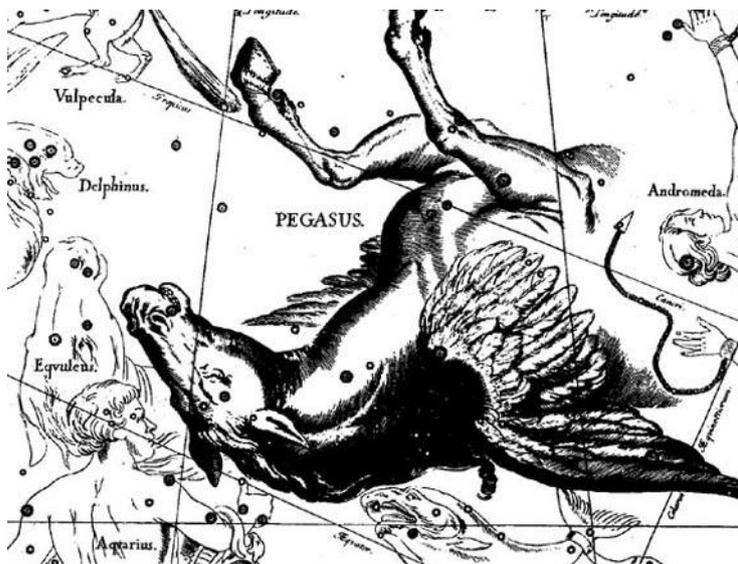
Лошадь

Я размышлял о феномене приручения животных, в принципе не объяснённом ни логической мыслью, ни библейским преданием. Я насчитывал двенадцать прирученных животных: пчела, кошка, собака, свинья, овца, коза, осёл, корова, лошадь, верблюд, северный олень, слон и весь птичник разом в одном лице, плюс напрашивались ещё несколько экзотических, но этих кандидатов можно было рассматривать с поправкой на местный склад характера хозяев, например, мангуст или полоз, который стережёт дома в Крыму за блюдо молока, наконец, мифический дельфин, но тот уже совсем на горизонте воображения. В общем, вырисовывалось почти апостольское число одомашненных тварей, но и без того я понимал, что приручение — это таинство. Какая-то тонкая перегородка вынимается из головного мозга животного и вставляется новый чип, после чего оно начинает учитывать в своём поведении наше присутствие как необходимое для собственной жизни. Приручение — обратимо, не знаю на сколько, но эффект одичания нам известен и совсем не удивляет. Декарт считал животных природными автоматами, но теперь нам кажется наоборот: скорее окружающая техника тем одухотворённей, чем ближе к животному. К одомашненному, во всяком случае.

Я был студентом Киевской Сельскохозяйственной Академии, расположенной в Голосеевском лесопарке рядом с ВЫПЕРДОСОМ (выставка досягнень передового досвіду, т.е. опыта, наша ВДНХ), где была этнографическая потёмкинская деревня, куда водили туристов, и можно было подработать украинцем-статистом в фольклорной хате, и ещё неподалёку распластывался в дымке Ипподром, а там я несколько раз пил пиво с жокеями, учившимися в нашей же Академии, и чемпионками-наездницами. Жокеи всегда находились в академических отпусках, потому что постоянно залечивали то один, то другой перелом, и я не представляю, на что они были похожи в конце курса перед дипломом, — ни с одним я не доучился до конца, и скоро сам прервал свою ветеринарную судьбу. В случае крайней нужды, позволялось раз в семестр узнать у жокеев, на кого поставить в заезде и выиграть сотню, но самым большим удовольствием было гуляние по длинным конюшням и разглядывание самих лошадей, это чувство сравнимо с тем, когда впервые в детстве тебя заводят в оркестровую яму и показывают инструменты перед будущим спектаклем. Об этой связи музыки и лошади мы не редко встречаем у поэтов, но лучше всего это биомузикальное величие показано в фильме Киры Муратовой «Увлечения», где музыкальные фразы фонограммы смешиваются с цокотом копыт несущихся лошадей и на время уступают им ведущую партию.

Я должен был проходить анатомию трёх «программных» животных, занятых в сельском хозяйстве: свинью, лошадь и корову. Самыми беспокойными были зачёты по свинье, муштра преподавателя, короткого цилиндрического человека пенсионного возраста с ушедшей в грудную клетку головой, он был «ушерукий» и прыгал, срывая с полок свиные черепа или просто челюсти, и на расстоянии вытянутой руки тыкал нам в переносицу: «Сколько, сколько ей лет?!». Он тяжело дышал и ждал, он мог так стоять сколько угодно, он был очень крепкий, а мы должны были по зубам определять возраст бывшей свиньи. Анатомку мы посещали два года ежедневно, это был ряд одноэтажных построек с внутренним двором, где росло необъятное дерево и под ним паслась одинокая лошадь. Очень старая, дряхлая скотина, зелёная, как солидол, которым чистят медную пряжку. И глаза у неё были жутковатые, сухие, словно припудренные. Она была привязана почти незаметной тонкой бечёвкой, пригодной скорее для запуска воздушного змея. Эта кобыла была старше меня, на её заднице стояло клеймо с годом рождения — 42, и она носила какое-то простое женское русское ромашковое имя. А имя нашего преподавателя было Осинский, говорящее.

И вот однажды в зал, где я и ещё одна отстающая студентка возились с препаратами и почти разговаривали по-латыни, заучивая анатомические названия, вошёл хмурый Осинский с двумя сотрудниками, настроенными, кажется, игриво, и сообщили, что мы должны им помочь усыпить нашу кобылу, что настало время. Мы отложили тетрадки и вышли за ними в осенний двор. Прощание было деловым и

Созвездие Пегаса из атласа Я. Гевелия

целомудренным, и вот через полчаса лошадь спала вечным сном, и мы толкали широкий возок с её бело-зелёным телом, преодолевая колдобины асфальта. Войдя в залу, преподаватели переоделись в свежие халаты, окружили лошадь, теперь уже лежащую на столе, и разрезали её корпус вдоль, хотя, если быть точнее, конфигурация разрезов была сложнее, но какая именно, я сейчас плохо помню, потому что постепенно открывался завораживающий по красоте вид стройно расположенных внутренних частей, и каждый выступавший из ещё не стёкшей крови орган обладал своим планетарным, отличным от другого цветом. Это был космический дизайн: фасции переливались стальными и керосиновыми оттенками, к югу от вишнёвой, подёрнутой облаками печени различалась бежевая, песчаная, селеновая селезёнка, омуты и двойные радуги, краски, впервые соприкоснувшиеся со светом. Что было к северу, я уже не видел, и мои декоративные эпитеты быстро остывали и становились ложными. Древние гадатели разбирались в этой палитре, раскладывали эту великолепную требуху на звёздных картах. В 1990-м лошадином году, когда я смотрел с холмов Беркли на сияющий через океанский залив даунтаун Сан-Франциско, он так же переливался стальными и керосиновыми оттенками, пунцовыми и желтоватыми неонами, разбросав подковы молотков и смотровых площадок. Внутренности этой клячи оказались прекрасны, чего я не сказал бы о её наружности, и я не без некоторого смутившего меня мизантропизма подумал, что это относится ко многим другим живущим на свете: быть изнутри краше, чем снаружи. Чтобы развить такую же энергию в жизни пару часов назад, какой сейчас в анатомическом театре лучилось её нутро, ей надо было бы под допингом совершить прыжок, чья парабола принадлежала бы ягуару или какому другому гибкому хищнику, и это был бы её последний прыжок.

Анна Альчук

Zabriskie Point. 2004

Какбынибыло речка
и брод

Какбынибыло
только не так как сейчас...
как тогда и как те
на парижских и пражских
баррикадах
булыжно-бульдожных свергавшие
и витрин
утвердившие время

взрыва

ИДЕА ЛИСТЫ

облетевшие

36 насловившихся лет

1.

в стаю

я не встаю

та'ю

тьень

т'аю

лиСТОМ

Пруста листовая

Марсея

доселе

времени жгут корабли

3.

(арома ты)сячиструй

линий лани

в руки тычутся

трутся о бедра

орды множеств

листьев флотилии

то что осталось

от лотосов

стук

деревянный

коробочек

2.

не велено ведать

видать –

нет места мне

все оцетинились:

ты –

отщепенец

лищенец

заБВЕНЕЦ

напялили

идика-ты

вдаль

все что ты делала –

дурь

скройся (с глаз)

долой

(и не)

смей отражаться...

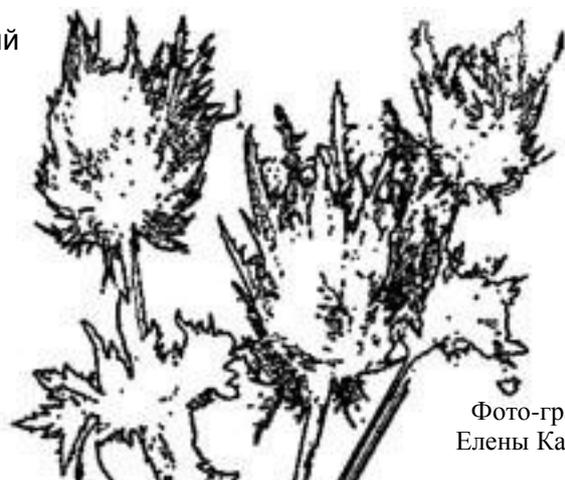

Фото-графика
Елены Кацобы

Вадим Рабинович

ДООС – доосозавр

Бах и Авенариус

Конспектируя в свое время работу философа марксиста-ленинца В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», я сделал описку звуковой природы: вместо *Мах* я написал *Бах*. Но спохватился на *Аве*. Решил так и оставить. При редактировании получилось «Аве, Бах!» Такая вот вышла *фуга*. В.И. сказал бы *фига*. И был бы прав, потому что материя и в самом деле исчезла, став чистой *музыкой*. Может быть, *сфер*... И пошли волны. Скорее всего, электромагнитные. Осталась музыка, но под присмотром *Нариуса*. (Понятно, что за музыкой нужен глаз да глаз, чтобы не воспарила, куда не положено.)

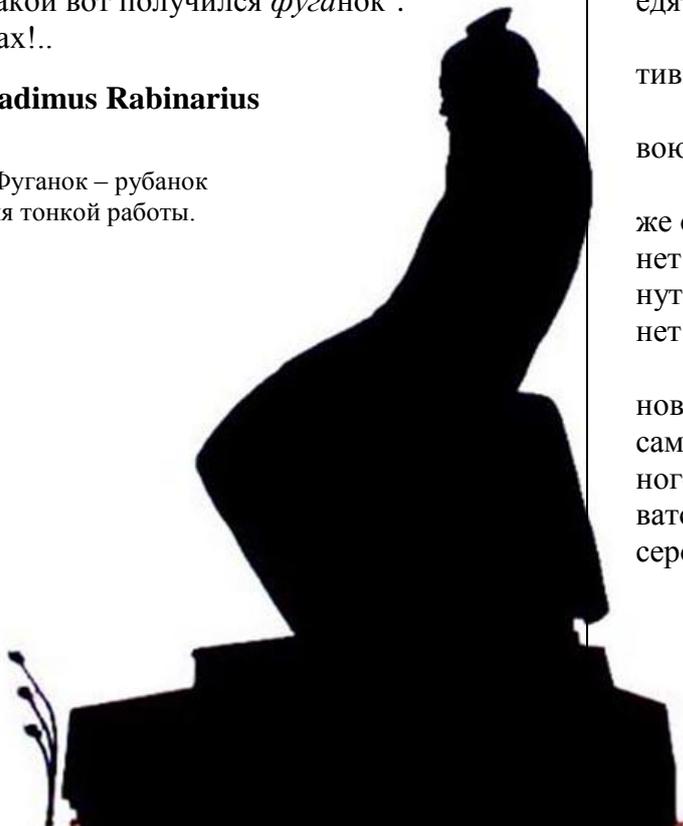
Нариус, бывший Авенариус, теперь уже не столько физик, сколько *нотариус*, который должен заверить все вышесказанное, что и делает *нариус* Рабинович: Аве, Бах! Аве, Нарису, положивший ленинскую фигу на фугу!

Такой вот получился *фуганок*¹.

Вах!..

Vadimus Rabinarius

¹ Фуганок – рубанок для тонкой работы.

Валерия Нарбикова

ДООС

Прививка

Никто не спорит – война – нехорошая, на войне – плохо. Но ведь войну делают сами люди. Она ведь сама, война, к ним не лезет. Это они ее делают. Они сами не хотят жить мирно. А потом они сами во всем обвиняют войну: мол, на войне как на войне.

А когда нет войны, то этот господин, вот этот товарищ купит себе в мирное время иллюзию войны. Он будет насиловать жену, домработницу, любовницу, секретаршу. И она будет продавать себя. А он ее покупать. Все почестному. Дураков нет.

А может, Достоевского надо прививать. В буквальном смысле – делать прививку. И цивилизацию – прививать. А может, и войну надо прививать, чтобы не воевали. Может, так будет легче.

Даже у людоедов, если верить Робинзону Крузо, есть своя мораль. Они не едят людей в мирное время.

Только на войне едят их как противников.

Тогда получается, что они все время воюют, чтобы быть людоедами?

И на рассвете особенно грустно. Так же особенно, как в сумерках. И совсем нет цвета, когда так рано. И небо затянуто облаками. А цвета нет, потому что нет солнца.

Оказывается, это солнце во всем виновато. Из-за него все эти цветики. А на самом деле, когда солнца нет – всё одного цвета – зеленовато-серого, голубовато-серого, грязновато-серого, просто серого или просто...

Достоевский для прививки.
Фото-графика Елены Кацобы

Андрей Вradий

ДООС

ДЕТСКИЙ АНГЛИЙСКИЙ СЛОВАРЬ

ПОэма#10

I.

игра
девочка
давать подавать
ходить, идти
хороший, добрый
доброе утро
до свидания
желаю удачи;
зеленый
синий.

II.

ухо
есть, поедать, кушать
яйцо
каждый день
извините (меня).

III.

капуста
пирожное, торт
могу, умею
не могу, не умею
легковая машина
морковь
кот, кошка
сыр
чистить,
умный
петушок
кофе
приходить
крокодил
хитрый.

IV.

привет
угощайся
курица
ее, ей
здесь, сюда
вот
пожалуйста
ему, его
с ним
хоккей
дома
мед
лошадь
голодный
я голоден
я хочу есть.

V.

да
да, пожалуйста
ты, вы
твой, ваш
сам, себя
угощайся!

VI.

назад
плохой
воздушный шарик
быть
медведь
кровать
пчела
большой
птица
черный
синий, голубой
книга
коробка
мальчик
смелый, храбрый
хлеб
завтрак
на завтрак
завтракать
бух!
но, а!
масло
до свидания.

VII.

гулять
хотеть
мы
приветствовать
добро пожаловать!
не стоит благодарности!
хорошо
что, когда, где, куда
белый
кто
почему
волк
вы хотели бы...?

VIII.

имя
рядом
красивый
нет
нос
отрицательная частица не

IX.

ветчина
иметь
у меня есть...
у него / нее есть
шляпа
он
голова
здоровая
это полезно
это хорошо (плохо)
для здоровья.

X.

поздно, поздний
я опоздала
ленивый
нога
лимон
давайте
любить, нравиться
мне нравится
маленький
жить
длинный
смотреть на
выглядывать из
выглядеть красиво
много...

Рисунок

Кристины Зейтунян-Белоус

Наталья Азарова

в-небес-ах!холодно
дамы-в-мех-ах!спелёнуты
к-рай-на-гу-БАХ!хрустит

отломится
(голову зади-

рая
не видно)

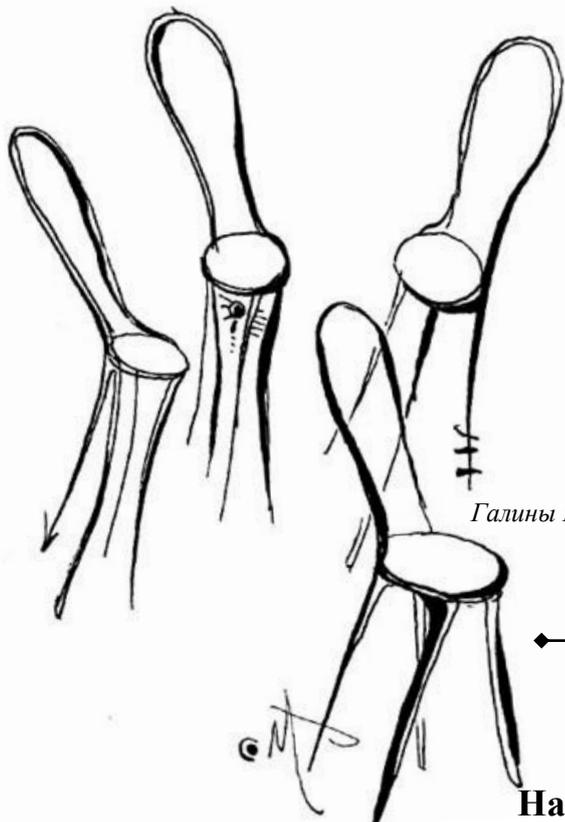

Рисунок
Галины Мальцевой

Наваждение

про-странствованье камня –
мня вербы серые
воткнуть в ладонь

доньями белыми доньями
ямой перекрытий в этажах

(ах!)

зал-из-зала-в-зал-из-
золота-там-из-аза-из-
за – и к глазам

(следят
из
круга)

на-ри-ца
ри-туаль-шёлк-утр

а ты
рик-тм рик-тм рик-тм
тёмной-ртутью
ко-мочки вяжет уха

пока-не
криком-собственным-царицы
крит-м

кри-т-м

к-ри-т-м

Станислав Германцев.

Петропавловск-Камчатский

Шаркающей походкой стремительно огибаю побережье,
Бурлящего океана, который вскоре окажется Тихим.
Сумраки радужно плещутся в сонном прибое как прежде,
Слышу ультрамарин и в ладонях протяжные всхлипы.
Глянец раковин выплеснул розовый гул в напряжённое ухо,
Переполнив песком ручейки от предплечья до локтя и дальше – к ногам.
И полоска прохладной луны, по волне проползая потухла:
Я её на прощанье тебе через триста веков передам.

...травы вспотели;

летающая птица - это

тревожный сон дерева:

...страшно подняться;

тело выплеснул вверх

но цепляешься пальцами:

...Солнце кружится;

и показалось мне,

что небо – просто маленькая лужица

на чьей-то

земле:

Хосе Луис Рейна Палазон

Севиля, Испания

Как жить, что делать

Луна удерживает тебя в окне.
Блестит твой лоб. И если это смерть снаружи,
счастливыми мы быть смогли бы? Меланхолия
движет растения в дверном проёме.
Жизнь это большее. Скажу, что я люблю тебя.
Сейчас очарованью твоему улыбку дарит базилик,
ещё бледнее, чем луна.

Дорога на Сан-Петри

По краю серебристых топей
солнце золотит траву,
и море цвета сентября
как рыба, мародерствующая в мути,
твоей усталой красоты ступня.

Не знаю, что может быть внезапней
грустной крыши домика
с несчастной лампочкой,
одной и той же марки вин немногочисленных,
иль шахматной доски,
пустующей на столе.

Был вечер как фальшивый рок,
которого не пожелаешь никому;
ни ветерка, что в зарослях кустов ближайших
нас стёр порывом ветра пыльным.

Напуганные, мы не разглядели месь морскую.
Но возвращаться – куда нам было? –
уже решён отъезд, и крыша
– или был сентябрь? – мертва как рыба,
бутыли с солью,
чёрная трава,
и шахматный посеребрённый слон, рассёкший горизонт.

Болота не встречали моря.

Так, кто-то, проходя, в стихах теряет полых рыб,
любви фигуры и травяной сентябрь.
Тогда внезапно понимаем:
что спящие мы создали наш замок из песка.

*Разобралась в испанском
«что делать» и объяснила по-русски
Анжелина Полонская*

Время не проходит. Мы уходим

Мне сказала женщина, что убирала дом,
и что годы спустя положила конец своей жизни,
взывая к небесам.

Не проходит. Мы уходим.

Как руки твои
красные и лоснящиеся
от краски, которыми наводишь блеск
до каждого тупого стыка между кирпичами,
всегда скрепя сердце, словно
тогда,
в вязкой мастике
воспоминаний.

Не останавливается, не запутывается.
Стынет одиночество,
скрываясь в каждом имени.
Однажды ты достигнешь
– как тогда, коридора –
и уже всё готово
для шага в вечность,
чтобы оставить след,
чтобы знать, как мир сгинет без нас.
Одиночество сияет,
щёлкает время,
и сердце подвешено
в этом чистом миге,
где уже нет места воспоминаниям,
лишь твоя жизнь
колотится
в тишине.
Слышится твой голос,
который произносит:

Я – время.

Фото-графика
Елены Кацюбы

Николай Беляев

с. Ворша
Владимирской области

* * *

К. Кедрову

Моцарт чист, словно утренний воздух,
и сияет, как капля росы.
Как бездонны во всём, что он создал
радость, свет, – позлащенные сны
человечества.

Будущих боен
буйным, грозным предвестником бед,
вслед за Моцартом – явит Бетховен
мощь, в которой сиянье и свет
смещены, и замешаны будут
с неосознанной силою тьмы.

Едут танки расстреливать Будду.
Слава Богу, не наши, не мы.

19.03.2004

* * *

Имена, фамилии – цепочка,
как в колодец – увела во тьму,
где уже никто не знает точно –
кто и кем приходится кому.

Я кручу рукой дубовый ворот,
вглядываюсь в темноту без дна.
«Ты почто нас беспокоишь, враг?» –
слышу хриплый голос истемна.
«Если ты – и верно – наш потомок,
погоди до Страшного Суда...
Не касайся глубины потёмков,
скоро сам объявишься сюда...
И тогда – узнаешь наши тайны,
нашу горечь, судьбы и дела...»

Только дрожь тревоги изначальной
древесину сруба повела.

Пробежали на спине мурашки.
Поднимаю к небесам глаза.
Там белеют облаков барашки...

Нет, шутить с колодцами – нельзя!

28.02.2004

Elsas (Елена Сазина)

Халле, Германия

Падение

падают
обрывки мысли
падают
обрывки кожи
падают
обрывки чувств
смотришь невидя
неслыша стоишь
кормя беззвучием телатень
стоящую там вне тебя
снега обрывки
падают
с неба обрывки
падают
света обрывки
падают

* * *

трогают струны бедер
поют музыкальным звуком
руки подвижных пальцев
клетки звенящей кожи
кружат в беззвучии стройном
дыханья едва касаясь
мелодят прожилки нервов
их тонкие корни лаская
журчат в пространстве сосудов
ритмуют в артериях сонных
сольный сон напряженно рифмуя
лимфу тона прикосно веньем
снова коснись меня днем
ду усни на мне веньем

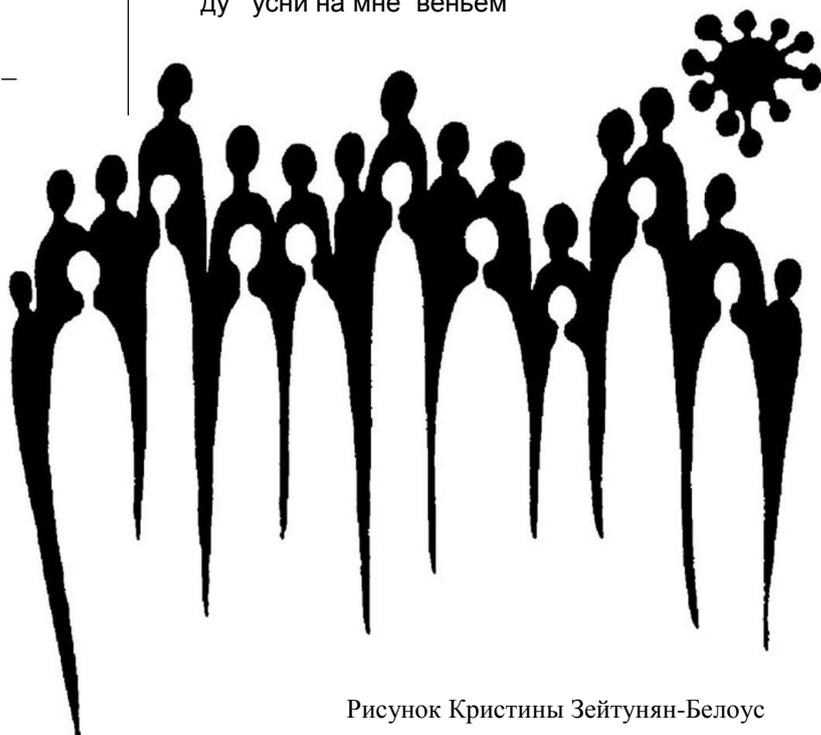

Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус

Алла Кессельман
ДООС

ИСКУССТВО ФУГИ (двойная fuga)

Фонт**а**н петуха –
– Ха –
– фонтень фон пух –

Взлетел в рассыпную
Повис
на пуговицах **б**рызг
В НЕ

он висит,
бенгальский могол
и качаясь, визжа, матерясь
поливает прохожих
разноцветным мартом.

Внизу бледные поганчики
других **ф**онтанов
аплодируют, **п**одпрыгивая
«Какой герой!
Сколько умжества и акробатики!»
Бантики
на **ц**епили девочки на макушки струй.

– **Ф**уй, мокричное поколение!
Разве это сокоматично!

Вот раньше был Колизей,
был Рим
в облака въезжал,
громил,
землю вертел зонтом,
бросал комет перчатки,
пощёчины звёздами горели

А теперь каждый бомж в небе
выводит птен**ц**ов
изображает из себя **д**ерево
течёт м**е**дленно – Горячим стеклом –
быстро – олерайтперебор
пар **Ф**юмерных корзинок,
щёк, надкусанных улыбкой,
флакончиков рыбок
– Тьфу, срам!

А может он лив**е**нь заплести
по правилам контрапункта
хотя бы из пяти струй?

... Избушка на курьих ножках
пересела на **з**усениц и уползла.
Раньше это называлось так

а теперь серебряный танк
ливня
мнёт траву
и комар,
стараясь пестреть летея,

пости**з**ает искусство **ф**уги.
Но с хруст**а**льными бубнами
на крыльях

дал**е**ко не улетишь
придётся смешаться с толпой
мушек, против**о**движений
и течь...

... Бах выбрался из бархата
органной коробки
чиркнул темой о тему,
зажѐг противосложение –
пусть катятся по небу,
синим пламенем горя!*

* Выделенные двумя разными шрифтами буквы – это контрапункт 2-х тем из фуги № 9 «Искусства фуги» Баха.

Вне нотного стана ноты обычно обозначаются буквами. Буквы, выделенные шрифтами (прямым и курсивом) – это две темы, звучащие одновременно.

Большая курсивная **Ф** – это момент, когда две темы соединяются.

А	А	Ля
Б	В	Си-бемоль
Ц	С	До
Д	Д	Ре
Е	Е	Ми
Ф	Ф	Фа
Г	Г	Соль

Владимир Друк
Нью-Йорк, США

Babilon

Из цикла Т Т –
Тотальные Translations'

I.

ту дядюшки самых честных директив,
когда в шутку она не понизилась пациент,
не принудили его для уважения меня,
изобретают его более лучше смогли.

Свой пример для другой науки;
но, бог мой, сидеть которому скука
с пациентом
и днем и ночью, не otkhodya,
когда нужно шагнуть к прочь!

Которым низким уровнем будет insidiousness
{in-'si-dE-&s}
половинного haelfte-totem,

к ему для поддержания подушек, отремонти-
ровать уныло,
микстуры, получить и фактически подумать
к вздоху:

«Если you!»
{характеристики взятия: Мальчик сгребалки!}

II.

Думаем:

поэтому и муха в пыли на столбе, где наибо-
лее высоко –
воля Zevesa
унаследованная из своих родственников

Друзья Ludmilas и Ruslan!

Однако с героем моего романа без введения
сделайте этим часом его по возможности.

представить:

Onegin, мой хороший друг стояло
на bregakh Neva,
в котором вы были рождены по возможности,
или они посветило, мой снесенный читатель;
там никакое время, которое даже погуляло
оно до 4:
но вредно север для изменения

IV.

Если молодость rebellious
отрезанные волосы на последнем режиме,
в виду того, что dandy-london одетьно –
легко станцованная Masurka

Которое к вам оно больше?

Свет, который,
который был разрешен
ухищренно и очень дорого.
Выучило нас вполне постепенно и,
все
как-то
каким-то образом,
слава богу
для того чтобы блеснуть просто

Onegin находилось по мнению научного малого
(судьи критического и только),
но pedant:

Оно имел удачливейшую талантливость
без prinuzhden'ya внутри
слишком
все что-то повлиять на обсуждение самого,
с научной формой специалиста

для того чтобы хранить к molchan'e
в важном debate
и для того чтобы возбудить усмешку
которую я даю пожаром непредвиденного
Epigramme.

То латинское

VI.

которое режим оставил теперь:

Так если правда была сказана вам,
она знала достаточно на латинских epigraphs
для того чтобы расследовать, над Juvenalis,
поговорить на письмах конца

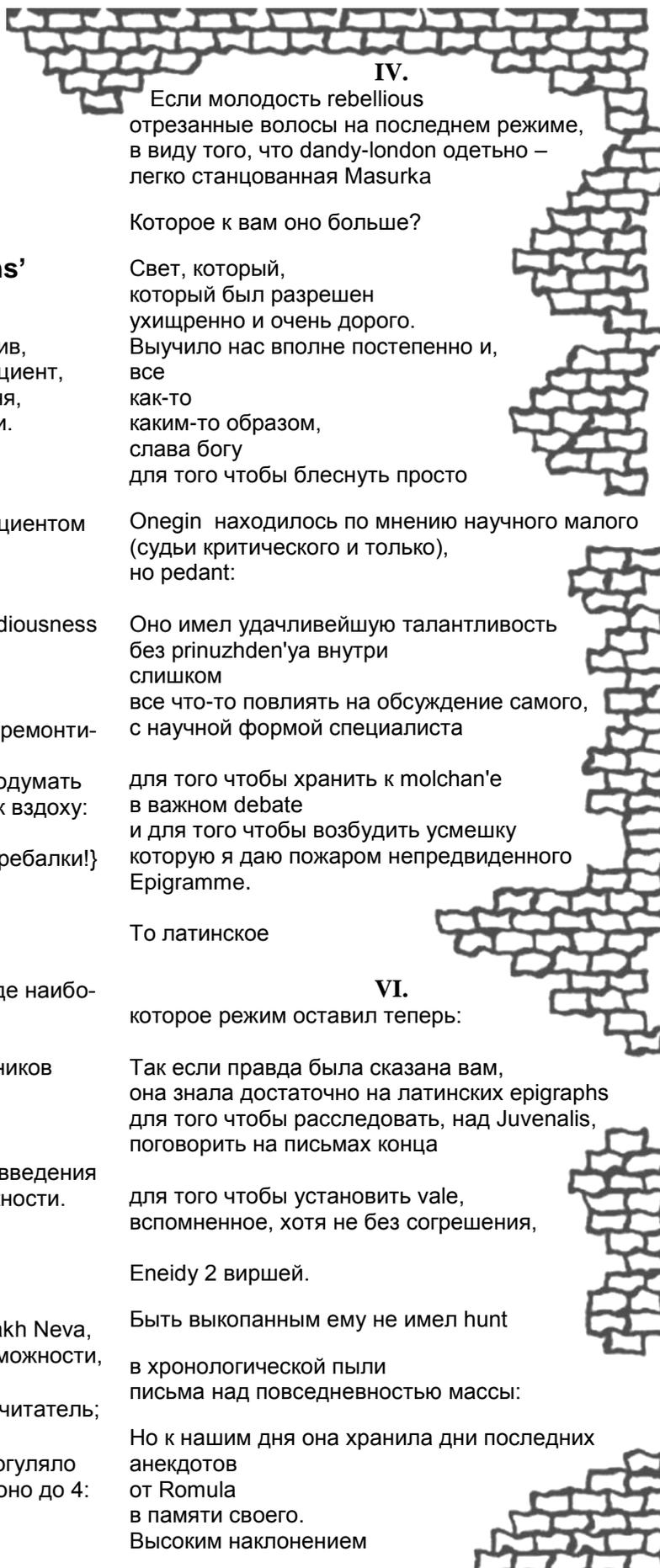
для того чтобы установить vale,
вспомненное, хотя не без согрешения,

Eneidy 2 виршей.

Быть выкопанным ему не имел hunt

в хронологической пыли
письма над повседневностью массы:

Но к нашим дня она хранила дни последних
анекдотов
от Romula
в памяти своего.
Высоким наклоном

Янг Чунгуань

Пекин, Китай

Мои рукописи

На меня упало яблоко подобное большим часам
Сильно стукнуло по лодыжке
Земля лопнула разбитой льдиной
Партизан что-то прячет в старом конверте
Приближается время воскресения
Слышно, кто-то в парке шуршит
Да это же мой сверчок

Получив диплом я прыгаю в бездну
Будто я –
Древесный ребенок ее объятий
Грохот тележки везущий сонный корабль
Это моя могила в полдень висит надо мной

Где-то пекут пирожки черной стали
Колотый сахар сойдет за монетку золотую
Завывание зверя это не сигнал смерти
Жду только песню птицы с юга
А южную ягоду видела лишь она
Городские люди читают наизусть про свою страну
Два языка и девчонка зреют в далекой дали
Где завывание зверя слышится снова и снова

Сунь Юэ

Пекин – Москва

Иду по проспекту № 1

Иду по проспекту № 1
Стая голубей
Трассирующие пули над головой свистят
Страх пылающей любви
Хитрый призрак усмехается за спиной
Пряный аромат облаков
Пыльный воздух Нашего Солнца
Оседает на лицах грязным гримом

Иду по проспекту № 1
Люди скользят украдкой мимо меня
Теряя прозрачные крылышки
А древняя Великая стена –
Воздушный змей погруженный в спячку
Плывет над крикливыми серыми иероглифами

Иду по проспекту № 1
Лицо города в кровавых шрамах рекламы
Душистый восточный светильник уже догорает
Вечерняя наложница императора Китая поведет меня
К весеннему озеру Летнего Дворца
Где сожжена последняя смиренная мечта

Рисунок
Галины Мальцевой

Превратил
китайские
иероглифы
в русские
буквы
Сунь Юэ

Элана
Саратов

Суфлеры из небесной будки

◆
...Чуть впереди меня бежит мгнове-
нье...
◆
...Твой день коснется середины снега
...Глаза моей ночи живут отдельно...
◆
У меня появился Враг. Это — я.
Добрый знак.
◆
Слова печальные нашла
И в доме поселилось Эхо...

Со-
шел
с
ума
мой
календарь
И
регулярно
врут
часы...
А нет ли правды
в их обмане?

◆
Между
езде и нигде...
Где кто?
Кто где?
◆
а эта белая дорога
всего лишь смена тел
◆
Я белое
Я снег
Ты
Камень
Черный
Быть может
Нас
Обручит холод
И
Обвенчает солнце
Может...
Мы станем
Горною вершиною
Вдвоем...
◆
Отточенность
Шарад
Судьбы...

◆
Предательство быть маленьким не может...

Александр Федулов Тамбов

ВСЁ О ЁС В

эра в ком... тц! ...а кила враг - мтарвали-к'ацт моқварэ
мое сердце тίο καρδια

Ребронир / О / ванный

Э Т И Т
а х і

მტარვალი тиран
კაცობეყუარე филантроп
В а

Г О Н

.....
Мтарвали-к'ацтмоқварэ – тиранофилантроп.
...а кила: 1. Грыжа; 2. Около; 3. Убивец; волк:

враг врат - душегуб
მტარვალი тиран
კაცობეყუარე филантроп
.....
ე! ключ в чулке!
да
чулок колюч.

а м !

Андрей Сокульский

Саратов

ЧАСТЬ ИСТОРИИ

Н.Гордейчук

я вспоминаю из кусков вьетнамских не крики страха раненных мальчишек не долгие дороги в буйных джунглях не кровь змеи в наполненном бокале

я вспоминаю каждый раз Тебя

мы говорили влажной долгой ночью на ломанном английском и руками мы говорили влажными телами пока свеча немислимо кончалась перетекая в утренний рассвет на свете счастья нет мне показалось — с уходом ночи от меня осталось привычка пить и есть передвигался лишь по инерции обросший мышцами скелет я думал— нам с Тобой не расстаться я бы забил тревогу я бы дрался жить там где скажешь — на краю планет!

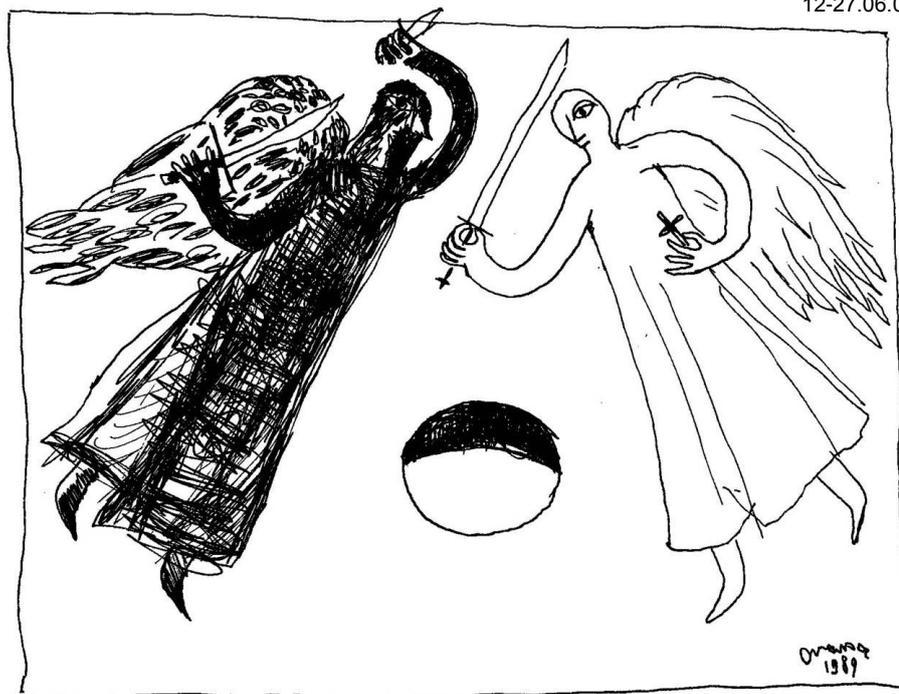
так мы встречались целую неделю над нами пол-Сайгона прогалдели мы комкали событий явь и бред а после мы спустились вместе к морю залив штормил и на его просторе невероятный изгибался силуэт Ты подошла ко мне и улыбнулась сказала: «Ждут меня...» и оглянувшись нырнула в воду с той поры я сед я же не верил что Ты правду говорила народ Твой водный никакая сила не может возвратить вас много зимних лет я вспоминаю из кусков вьетнамских не крики страха раненных мальчишек не долгие дороги в буйных джунглях не кровь змеи в наполненном бокале

я вспоминаю каждый раз Тебя

03.01 – 03.04.04 г.

Битва

Владимир Опара
ДООС – лайнзавр

ИЛЛЮЗИЯ СЧАСТЬЯ

Детская — не детская, но явно живущая во мне мечта: ограничение перемещений дождем и мы вдвоем, свободные от поспешности и обязательств отвечать на телефоны читающие по очереди вслух стихи и романы, наполняющие себя чаем, вином и любовью.

10.06.04 г.

ЖЕЛАНИЕ

Желание залезть под твоё платье настолько сильно, что все остальное не имеет значения.

Без сожаления я не вникаю, не слышу, о чем вокруг говорят и смеются. Меня раздражает лишь то, что они семят и трутся рядом с тобой, моею волною охваченные...

Мы уже выбраны и обозначены на вертолетных площадках, в лифтах застрявших и в парках во второй части ночи, когда им не хватит мочи, когда случайные ослабеют, а болтливые замолчат. Когда мои загорелые чуткие руки полезут под твоё платье...

12-27.06.04 г.

Сегодняшние поэты Ирландии

Сегодняшняя Ирландия – страна поэзии. Традиции древних стихотворцев и повествователей, которых звали по-ирландски *ракара*, продолжают все новые и новые поколения ирландских авторов. Многие из современных ирландских поэтов живут в Дублине, где вообще обитает чуть ли не третья часть населения Ирландии. Пола Михэн и Макдара Вудс – коренные дублинцы. Некоторые ирландские поэты переехали в Дублин на разных стадиях своей жизни. Патрик Боуран родился в городе Порт-Лиш, графство Лиш, Питер Сирр – в Уотерфорде, крупном портовом городе на юге Ирландии, Джозеф Вудс – в графстве Лаут, Анн Лийхи – в графстве Типперэри. В университетском городке Мэйнут живет поэтесса Алисон Максвелл. Десмонд Иган живет в графстве Килдэр. Джули О'Каллахан, также живущая в графстве Килдэр, родилась в Америке, в Чикаго, в семье ирландских эмигрантов – и реэмигрировала в Ирландию. В Ирландии говорят, что запад страны – это «другая Ирландия». Кажется, и люди там радушнее, и жизнь проще и «патриархальнее». Джерард Риди живет в живописном городке Уэстпорте, графство Мэйо, каждое лето привлекающем многочисленных туристов. Кахал О'Шарки родом из деревни Гортахорк в северо-западном графстве Донегол. Родной язык тамошних жителей – не английский, а ирландский, на котором поэт и пишет. На севере Ирландии, в Белфасте, живет поэт Фрэнк Ормсби.

Все объяснил и всех перевел с английского и ирландского специально для ПО Анатолий Кудрявицкий

Джули О'Каллахан

Пакет

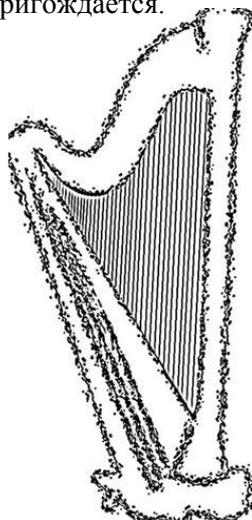
Я ношу с собой
полиэтиленовый пакет с ручками.

Внутри – мои запасные части:
лишняя рука, пучок вен, кусок кожи на
заплаты.

Бывают дни – такие, как сегодня –
когда это все очень пригождается.

Белый звук

Когда дождь
что-то шепчет –
это снег.

Патрик Боуран

Дом

Вода исторгается из крана с металлическим
звоном – словно цепь.

Вечность прошла с тех пор как здесь
хоть что-то было в движении –

кроме крыс и птиц.
Наверное, последними обитателями этого дома

были отец и сын.
Отец послал сына в город, одарив его

рукопожатием и старыми бумажными банкнотами.
С тем же успехом он мог бы велеть ему

принести домой время,
не дав часов, чтобы его нести.

Десмонд Иган

Градины

как всегда неожиданные
эти капли льда скачут
по плетню по шиферу на крыше
озвучивая тайные звоны
иных миров
стреляют легкими дротиками
и сами же их дробят
что даже легче чем пронзять
кроны деревьев

потом замирают в нерешительности

снова вступают в свои права
выбивают из головы все мысли
резвятся на подоконнике
играют в пинг-понг на оконном стекле
изображают наметенный снег
на крыше теплицы

вдруг исчезают

белые лужицы тишины

оставляя нам изумленную обыденность
что снисходит к нам редко

как и вдохновение

Сегодняшние поэты Ирландии

Питер Сирр

Вести из подводного царства

На нас движутся исчезнувшие континенты.
Атлантида, Атлантида,
как долго мы тебя искали!
Повергаются во прах горы, открываются великие озера,
небо – пугающая голубизна. Слышится голос:

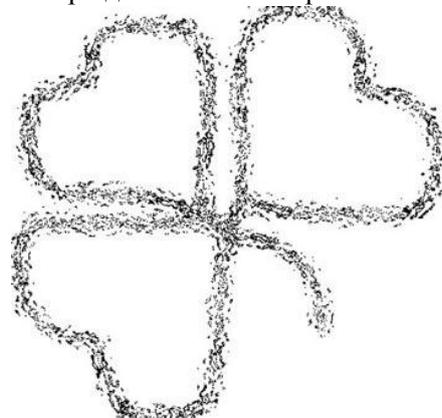
Идите, селитесь там, налягте
на стопудовые двери.
Нам навстречу – пыль, паутина, призрачные стяги.
Мы все же входим, ложимся наземь.
Отданы концы, материк пускается в дрейф.
Горы нависают над нами темным массивом.
Долог путь, стонет от боли земля.
Плывем ли мы еще?

Мы глядим на забытые звезды, считаем их, включаем
в круг своего знания. Где-то далеко
колышутся народы, ждут от нас возвращения
с лаврами и обещаниями. *Мир перестал быть
опасным местом, распахнем двери!*
Люди стоят, прислушиваясь,
в руках у них наливаются тяжестью ключи,
их много, и они столь же древние,
как и те, что в руках у нас.

Алисон Максуэлл

Финляндия

В теплой озерной воде
Лаури очищает картофелины от кожуры,
его детская головка склонилась
над миской, над землей.
Нам слышны лишь
всплески воды
от падающих в кастрюлю картофелин
и песнь птицы квикка,
что зовет озеро домой в свои берега

Пола Михэн

Женщина в сетях Интернета

Она глядит на меня, как и на каждого «посетителя»,
своими странными миндалевидными глазами. Мне кажется,
она сейчас скажет: спаси, спаси меня! Но единственное,
что я могу сделать, это обследовать вэбсайт
Asiatic Babe Cutie Triple XXX Sexpot.

И все же я не могу с этим смириться.
Ее образ преследует меня день-деньской,
он неотступен, в каком бы я ни была углу
моей одинокой комнаты. В самый холодный час зимней ночи
я укладываю эту женщину на душистое ложе

сухой травы лугов, усеянной цветами,
смываю с бледного красивого лица
следы невзгод, судьбы жестокой,
и перед очагом обуздываю внутренний свой пламень
корить незримого Небесного Отца,
что никого не спас и не любил настолько,

чтоб мы могли избавиться от призраков болезненного детства,
из виртуальных зачарованных лесов уйти, освободиться

Фрэнк Ормсби

Приходи как ты есть

*Напутствие
новорожденному*

В тебе никто не ищет идеал
совершенства.

Приходи как ты есть.
Не как многообещающий дебю-
тант,
не как надежда нового века
наследник великих традиций,
не как носитель бремени.
Избавься от тягот ожидания.
Приходи как ты есть,
когда твой день, твой час настанут.
Пусть это будет началом.

Сегодняшние поэты Ирландии

Анн Лийхи

Ощущая себя лягушачьей икринкой

Не угадаешь, что другие дети станут делать дальше. Вот шагают к пруду, сбивая головки чистотела,

останавливаются, чтобы похлопать телку по боку, затем наклоняют свои банки от варенья, выкатывают икринки – холодные, склизкие.

У нее свое развлечение – заставлять ползти обратно ухверток и лесных клопов, подбрасывая что-нибудь на их пути.

Вот что-то жужжит, привлекает внимание, нечто новое, мягкое, закрытое со всех сторон, нет, сверху открытое – шмелиное гнездо.

Она чуть вздрагивает, когда конец палки то здесь, то там превращает жужжание в хруст, потом в тишину.

Оставив у порога свою банку с икринками, она возвращается в дом – посмотреть слово «шмель» в «Детской книге о чудесном мире».

Звон. Вскрик. Дверь оглушительно хлопает.
Банка попала под ноги кому-то из взрослых.

Шаги в коридоре. Оцепенев, она как будто слышит бег секунд, ждет, когда чей-нибудь голос взвьется, как кнут.

Джозеф Вудс

P.S.

Я здесь, чтобы восстановить силы;
из моего нового пристанища можно добросить камнем

до моря, где я гуляю вдоль берега по вечерам,
а когда настает лягушачья погода,

утешаюсь звуками коровьей переклички,
лежа на неразобранной постели, или слушаю

легкую оркестровую музыку – и шип виниловой пластинки
пытается убедить меня, что дождь усиливается.

Разводы соли на стене, быть может, дают мне совет – в
письменной форме, шелест кустарника за стеной подсказывает

совсем другое. Сегодня я буду наблюдать
за лодками, переговариваться в минорной тональности

с продавщицей мороженого и думать о том,
что всегда и везде был туристом, краткосрочным посетителем,

что утепляет комнату по старинке – уставив полки книгами

Макдара Вудс

Странный отправитель

Говорят, он посылал ей
разрозненные части животных
к примеру лягушачьи лапки – препарированные! –
или икру в оцинкованных ведерках

и она получала все это по ночам –
лапки сов спинки аллигаторов
ракообразных из бескислородного мира
и динозавров поющих на деревьях

а он в этот час ждал своего часа
в ранних ранних рассветных лучах
грустный как всегда грустный как сама грусть

говорят он посылал ей моллюсков
и мертвецов в бутылках
игральные кости разбросанные по ковру
спички в очаге
брызги на сияющем кафеле

говорят он посылал ей
надорванные бандероли и посылки в коричневой бумаге
панцири минотавров
грибы выросшие в саду
овеваемые ветром

говорят он посылал ей
все эти холодные дары
и обрывки и кусочки своих мыслей

Джерард Риди

Фундамент

Мы рыли землю, углублялись
в мягкую почву, выбрасывали ее
из ямы, пока не наткнулись на камень.
Он был под всем, кроме спальни.
Ты была недовольна,
всю зиму копала глубже и глубже,
пока не дорылась до горячего торфа.
Лишенные надежды, мы заперли ворота.
Наши друзья выбирали занавески в магазине,
а ты в это время кормила коня сахарными головами.
Каждую годовщину свадьбы мы встречаемся
и сидим на холме, дрожа от холода,
глядим на озера и горы
и думаем о том, чего нам не дано.
Вот что случается с теми, кто роет глубоко.

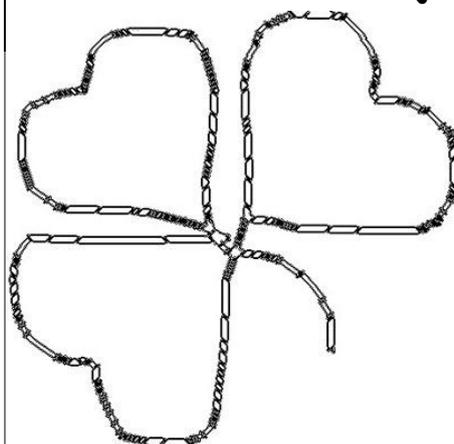
Кахал О'Шарки

Возвращение изгнанника

Вечером он вернулся в пустующий дом.
На пороге в сиянии луны – темная тень дерева,
которое он посадил когда-то.
Теперь это старое дерево.

Кто позаботится о стихотворении?

В бесстрелетной ночи я дал жизнь –
огнюдь не прозою –
ребенку моего разума.
Я оставил его у дверей Судьбы,
дитя любви, рожденное быть.

Борис Викторов

(1947 – 2004)

* * *

В исхлестанных пастухами низинах неба обид не счесть,
больно и совестно, будто порушены все десять за-
поведей, – и гроза
опережает месть!

Прошлое перечеркивает вспыхнувшая лоза,
обугленное пространство сворачивается и за-
вораживает, как свиток (а он и есть
беловик той рукописи, которую мы прочесть
не успеваем за
светлый отрезок времени, дарованный свыше), весть,
открывающая глаза.

Татьяна Щербина

Шагреновая кожа

Точечные удары, они же ковровые бомбардировки.
В царстве заложников бешенство у коровки.
Люди худеют, надеясь, что будет лучше,
диетический этнос боится народов, которых пучит.

Сладкой парочке, убийце с самоубийцей,
неподвластны и неподвзрывны птицы.
Чайка в мазуте, двуглавый орел в Кремле
нахлебались мути, взлетели на помеле.

Колдовство, оно же захват, оно же
крик отчаянья: пусть они сдохнут, Боже!
Жаль Творцу проект свой пускать под нож,
горе-кожа коробится, тронут земной чертеж.
Силовые линии нервно ползут на полюс,
ну а я к экватору греться, пожалуй, смоюсь.

октябрь 2004

Саша Бабулевич

семицветник

свят свет тихий
тихий свет свят
свет свят тихий
тихий свят свет
свет тихий свят
свят тихий свет

света святее нет

Рисунок
Кристины Зейтунян-Белоус

Sic transit

Ремонт часов, очков и скверных снов.
Вот все что может сделать Иванов.
Сик транзит мунди gloria: в ремонте
пуль, поврежденных костью.
Слышен спор –
на скольких рыл пошит защитный зонтик,
поскольку гриб из смертоносных спор
раскрылся, пыль воронкой, гром грохочет.
Ремонт боеголовок, не голов –
приоритет войны. Ее не хочет,
но что же хочет просто Иванов?
Ремонта окон, порванных волокон,
утративший влияние гормон
права качает, мозгом замудохан.
Кто сторож в доме, кто здесь гегемон?
Земною славой полнятся помойки,
в отходах книги, волосы и зуб,
болевший так, что вырвался из стойки,
и слово ужасающее – «труп».
Строительного мусора контейнер
как будто обновляет горизонт.
Идет ремонт, сломался даже веер,
и главное, что не сыскался зонт.

сентябрь
2004

Сергей Мнацаканян

Прозрачные люди

Я задумался об этом
в метро –
вокруг куда-то торопились,
толкались, не замечая,
друг друга,
самые-разные люди...

Одетые в пальто и плащи,
они производили впечатле-
ние
клубящихся кусков.

Ошибаются те, кто полага-
ет,
что человек – это
костный остов,
обтянутый плотью...

Ошибаются те, кто считает,
что женщина состоит из
прически и половых губ,
а мужчина из бицепсов
и головки полового члена...

Уже не первый раз
в своей жизни
я словил себя на том,
что не вижу
одежды на пробегающих
мимо
согражданах.

Но речь идет не о нагоде.

Передо мной пронеслись
прозрачные сгустки энергии
пронизанные сеточкой
капилляров
и закутанные в паутину
нервных волокон...

Все люди были прозрачны.

У каждого из этих
прозрачных переплетений
имелась своя история,
своя судьба,
своя биография...

Отпечатки судьбы выгля-
дели,
как
серебристые сгустки
где-то в области затылка...
Мозги пассажиров,
волнистые,
как грецкие орехи,
светились розоватым
свечением.

Сквозь розовое
просачивалось
серое сияние – это сигналило
подсознание.
Сами люди не понимали
этого,
но импульсы,
которые исходило

каждое прозрачное тело,
взаимодействовали между
собой.

Красивая женщина
вдруг преобразилась –
оказывается,
помимо скелета,
она не из чего не состояла,
только из полного отсутствия
чувств, импульсов. Мыслей...

Вот в спертom воздухе
метро
нарисовались коричневые
метастазы
там, где по сюжету природы
могли пульсировать лёгкие.
Впрочем, они пульсировали,
но словно охваченные
темным кружевом.

Обреченная жизнь пропала
в суетке через мгновение,
словно ее и не было...

Для того, чтобы разглядеть
сущность,
не нужен рентген или
современная электроника.
У каждого из нас есть
внутреннее зрение.
Просто люди не умеют
включать его
сами...

Это делают боги,
или, если хотите
информационное поле
планеты.

Однажды, когда я обнимал
женщину,
я ощутил,
что в моих руках трепещут
только ее горячие очертания,
а сущность давно
выплеснулась наружу
и слилась со звездным небом
и ветвями сада,
дрожачие над нашим
любобным ложем.

Мне стыдно вспоминать,
но в юности я подрался
с другом –
так он меня обидел.
Он ударил меня первым,
и когда я уже был готов
ответить
ударом на удар,
я вдруг осекся:
в воздухе передо мной
возникло его сердце –
багровое яблоко, которое
сжималось
и разжималось,
повиснув на тонкой красной
нити.

Я понял,
что эта нить вот-вот – и
оборвется,
и отступил.
Мой товарищ умер через
несколько дней
от инфаркта.

Это было ужасно...

Вот такие вещи приходят
в голову,
когда пробираешься
в душном метро,
а вокруг тебя проносятся
прозрачные люди,
прозрачные люди,
прозрачные люди,
нет,
даже не люди,
а тени из будущего –
пока еще живые,
о чем они, в основном,
не успевают задуматься.

И вдруг у меня на лбу
выступил
липкий, холодный пот
от еще одной ужасной
мысли,
что не только я,
а кто-то из этой толпы
видит меня самого –

ВОТ ОН Я –

без плаща и пиджака,
прозрачный,
на мировом ветру,
с пятнами холестерина
на вывернутых
наизнанку сосудах,
в тесной клетке
моих ребер
котится
фиолетовый сгусток –
готовый
разорваться
в любую минуту...

Б а б ы о б е

Хабаровск – Москва

Анна
Золотарева

Явьсон

куда иду? Зачем?
усы кустов над ртом обрыва
как будто рот земля открыла
течет слюной ручей
и голос слышен:
камни собери
по-идиотски спрашиваю
кто Там?
но мне в ответ глазами
идиота
желтеют молчаливо
фонари
и страшен взгляд людей
каменной
и всюду камни камни камни
я ощущаю сотни змей
моими взвилась волосами

Елена
Круглова

клубины вод
попыню
вовлекаю в невод
он пуст
заглянешь глубже
всё виднее день
от колоса волос
от голосов
от сосен сов и тенью
на плече

смеётся
мне льётся
радостнее Ганга
разорванных поэм
и танка...

разгулом поезд мой
не знающий узды
в энергию грозы
спадёт в исток
иссохшей в твердь
старееющей Янцзы.

Ольга Ильницкая

Филомела

Филомела поёт: «... облака не спят,
а клинок шелковист, словно шрам Аплаха,
не люблю листвою – то багров, то зелен,
и под всяким деревом воин павший».
Филомела птицей с высоким челом
на засохшей ветке сидит – с хвостом русалки.
Хороша – без листвы и цветов.
В чешуе слюдяной, кровавой.
Русло времени – несвобода и горе,
превращается в берег все той же реки,
где русалки и птицы молчат и взлетают,
зависают над оползнями ночей и веков.
Филомела, очнись, слой за слоем обрыв
обнажает от взора припрятанный срам.
Не смотри на такое – узнаешь, открыв глаза,
вместо зрачка – шрам.
Что за радость видеть пустырь, где раньше
гудели пчелиным счастьем сады,
а теперь в сладком мареве тьмы золотой
трутень ненавидит суету и славу.
Ни царицы свистящей, ни молчащей рыбы –
лишь распутная дева сидит на сухой ветке,

распускаясь цветком бумажным,
пчелой ужаленная, обозленная трутнем.
Лопнувшая кора отпустила дерево,
превратила соловья в молчаливый камень.
Филомела моя, Филомела, очнись –
я живу подавленная плохими вестями.
Я помню набег племен,
имен исправление помню,
видела демонов на расстоянии вытянутой руки...
Тем утешаюсь, что Небо огромно,
и рождает обрыв слой за слоем события назад.
Соловей – Филомела – погибшее дерево,
поверни ко мне взор и семью собери в улье.
Потому что Небо – русло реки времени,
Поднебесье – берег все той же реки.
И на нем вызревает пчелиное поле,
над обрывом вспорхнет и защелкает дева –
Филомела – царица, русалка, пчела,
страсть исламского ига –
свистящая сабля кривая.
Филомела моя, зазвени серебром,
в навсегда, словно Феникс в огне, отлетая.

Герман Виноградов

ДООС – огнезавр

*Тя Тут лягуши
У лягуш – тушки махоньки,
Мягоньки лягуш туши
Да и уши – две петельки:
Ка ААА Ку ААА*

Александр Чернов

Киев, Украина
ДООС – днепрозавр

Стрекозные впечатления

Из истории ДООСа

В июле 1977 года мы небольшой литературной компанией отправились на морскую прогулку вдоль коктельбеских бухточек. Когда наша моторная лодка звонко проскочила через акваторию Золотых Ворот, то изнутри они оказались еще более аурными, чем снаружи. Влажные от волн камни так и сочились расплавленным драгметаллом. На диком пляже в бухте Разбойника мы сделали остановку для купания. Инициатором каботажного плавания был Александр Павлович Чудаков с дочкой Машей. В экипаж вошли также: Константин Кедров, Лена Кацюба, Маша Карчина и я, бортовой летописец задним числом. Купались мы долго и обстоятельно, пока женская половина команды не выдвинула лозунг: «ВСЕ НА СПАСЕНИЕ СТРЕКОЗ!!!»

Там, где мы резвились на просторе, почему-то массово приводнялись стрекозы. Несчастные насекомые какое-то время барахтались на поверхности волн, а потом погибали. С одной стороны динозавровидный Карадаг громоздил до неба свои раскаленные хребты, а с другой – обреченные «бипланчики» отчаянно атаковали зыбкую водную среду. Несколько «утопленниц» наши девушки вытащили и, бережно расправив крылышки, разложили на солнцепеке, словно серебряные крестики на сувенирном лотке. В считанные секунды чешуйчатокрылые самоубийцы начинали оживать, производили вертикальный взлет и опять-таки бросались в пучину. Это неоднократно повторялось, пока Александр Чудаков, молча наблюдавший за процессом реанимации, не изрек: «Вы напрасно пытаетесь нарушить закон природы. Эти стрекозы уже отложили яйца в воду. Скоро из них вылупятся личинки, кстати, жуткие хищницы, а из их личинок разовьются новые прозрачные красавицы. То, что вы безуспешно пытаетесь спасти, – всего лишь оболочки, которые, хотя они и шевелятся и даже летают, уже нежизнеспособны!»

Вот таким черноморским образом и образовалось Добровольное Общество Охраны Стрекоз, вернее, его историческая подоплека. Во всяком случае, мне это представляется именно так.

Прелюдия

Ранее, чем орнамент растормошит карнизы, я угожу в заначку трогательных измен: сиплый узор тактильно чешет ушные линзы, слепо на рудименты зарится андроген. Всюду бесперебойно – рот на замок беседа уровнем на колено, только не с той ноги. Если не можешь вспомнить – переспроси у неба, если забыть захочешь – перескажи другим. И ходуном и плавно, и атмосферным тиком на перевале горном или на дне морском самым бесцеремонным одушевляю сдвигом чизбургер многослойный с ворсом из хромосом. Остросюжетный поиск пульса путем набора ладными узелками пробует хиромант – это над речкой Плайсе сладко щекочет поры нотного винограда выпуклый аромат.

* * *

Дурачились до измора,
позируя сквозь лазурь,
вытаскивал я из моря
азартную стрекозу.

Был наискось опоясан
я весом любимым весь,
и скалился Херсонес
зияниями балясин.

Пикантная панорама:
капризнее, чем талант,
дрожал олимпийский мрамор
поваленных колоннад.

Изюминка эпицентра
раздвинулась в пятерне.
Календула и люцерна
расплющились на спине.

Меж склепов и мавзолеев
мы снова переплелись
и лега, и на коленях
копируя эллинизм.

Крылья ангела
Галина Мальцева
ДООС

Хендрик Джексон

Берлин, Германия

Движущийся кабинет

Порыв ветра – движение по грибной изнанке, со стороны
Переворачивать, тихое дребезжание;
Темносеребряное – переставленное
Отражение.

Рельсы, напряжение, камни – поезд за поездом, поездки
Открытые коридоры;
Покаянность, послеобеденность
– Одолжение:

Нажатие на пластинки – шелест, порыв, дребезжание,
Отпечатанные фигуры,
Темносеребряные. Разветвленные

Пространствовремена.

*Перевел немецкий поезд
на русские рельсы
специально для ПО
Сергей Бирюков*

Марина Лизогуб

г. Нарофоминск
Московской области

* * *

В итоге - воздвигаю стену(-ы):

1. Замкнутое пространство
(одиночество, мучительное => печаль, тоска и т.п.)
2. Несущая конструкция
(прочность => надежность, плечо)

– На что жалуемся? (у доктора)
– Вывести б из лабиринта

* * *

Здесь все как в нашей жизни.
Убогие маленькие лачуги. Серые люди.
Один оказался с большой головой.
«Господи, что с ним делать?
Это не должно быть так.
Неправильно».
Урезать? Или уничтожить целиком?
А вот этот? – С сердцем гения,
душой ангела, глазами дьявола.
«Это тоже нонсенс!»
Огорчить его что ли? Обидеть?
– Хотите попробовать?
Наверное, не получится

Александр

Люсый

Ифигения в Тавриде

Набросок бук

вальной

оперы

глюк

И-
-фи-
-и-
-гения
и топос
и локус
Где Пушкин донные
Глядится в истории пропуск
И-
-фи-
-и-
-гения
и
даже
находки
г
е
н
и
я
тебе
не заменят
возможно
смешного
п
е
н
и
я.
А там
где сейчас
ты
растет ведь
совсем и не крокус.
Диана
снегами
покрыта
Как топоса лоскут
А ведь
до
Дианы
Совсем не дойти мне ногами
Чтоб снова услышать
Твой
топот
твой
локон
И
«фи...»
и
– «гения!»

Михаил Дзюбенко

Три рубля

Никогда не забуду выступление Парщикова в середине 80-х – по тогдашней моде, с длинным белым тяжелым шарфом. Он начал с того, что, выйдя, так сказать, к рампе, обратился к публике: «Есть у кого-нибудь трояк?» Я решил, что ослышался. Кажется, так решили все. Леша повторил свой вопрос. Стрельнуть трояк (три рубля) значило одолжить по тем временам не очень крупную сумму: при известной экономии день-другой прожить можно (для сравнения: среднемесячная зарплата составляла тогда 130–150 рублей). Видимо, аудитория решила, что свой трояк Парщиков еще не заработал, – потянулись руки с рублями. «Нет, мне нужен именно трояк», – настаивал метаметафорист. «С возвратом?» – уточнил кто-то. Леша, смеясь, что-то ответил и получил искомую бумажку. Для нового поколения надо заметить, что на трехрублевой купюре образца 1961 года был изображен вид Кремля с Большого Каменного моста, идущего от так называемого «Дома на набережной». Причем (объяснил Парщиков) вид с определенной точки – той, с которой ему, а потом и лирическому герою его баллады открывается потустороннее, населенное деньгами пространство.

Когда сейчас говорят, что отечественный монетаризм начался не то с Гайдара, не то с Чубайса, это либо ложь, либо заблуждение. Отечественный монетаризм (как к нему ни относиться) начался с парщиковской баллады «Деньги». Именно с нее начинал бы я обучение во всех ныне многочисленных экономических институтах. И не только экономических, но и астрологических, футурологических и тому подобных. Баллада напечатана уже неоднократно, и я не понимаю, почему никто не видит элементарной вещи: все, что с нами происходит последние 15 лет, было Парщиковым не просто предсказано, а, думаю, открыто (как ящик Пандоры) и накликано. По силе проникновения в будущее этот текст сопоставим с пророчествами Нострадамуса.

Когда я шел по Каменному мосту,
играя видением звездных войн,
я вдруг почувствовал, что воздух
стал шелестящ и многослоен.

В глобальных битвах победит Албания...

Ну, кто мог предвидеть в сравнительно тихом 1986 году балканскую резню 1990-х, отделение Косова и вообще все эти якобы восточные дела? Парщиков – мог!

И я шагнул с моста по счету «три».
О золотая дармовщинка!

Иосиф

История игры исчезновенья
облака: осенняя обида
соблазнена спасительной сиреной
избавленья – испарина испуга
фальцетом форсмажорным фальшивеет.

Истоки искр и... извиненья
одинокости: ослепшее окно
суровым суеверным слогом
истово исправляет искривленья
фатаморганистых фаготовых фигур.

Иск истине и... искаженье
облика: один он, он отец, он
сын, сыновний судорожный скепсис
изменчив – истец истратился, иссякла
формула ферзьфавнфакирфантом...

Попал я денег изнутри
в текучую изнанку рынка.
Я там бродил по галерее
и видел президентов со спины,
сидящих черенков прямее,
глядящих из окон купюр своей страны.

Население СССР выучило слова «рынок» (не «колхозный рынок», а рынок как принцип экономического устройства общества) и «президент» спустя пять лет. А кто знал, что страна развалится и в ней будет куча президентов, причем некоторые из них («баши») поместят себя в купюры? Кто знал, что история пойдет по кругу и невыносимое давление государства поставит в повестку дня народный (народный, подчеркиваю, а не международный!) терроризм?

Но вновь народовольческий гектограф
морочил сны юнцов, и прилетал Конь Блед,
которого карьер так от земли оторван,
что каждый раз в прыжке конь сжат,
как пистолет.

Я уж не говорю об отточенных формулировках, которым могли бы позавидовать классики политэкономии: «Вы, деньги, то же самое для государства, что боковая линия для рыб». Или: «Сравненье целей порождает цены».

На следующее утро я проснулся с шумом какого-то словесного прибора в голове – это набегали отдельные запомнившиеся строчки «Денег».

Виктор Ахломов
ДООС – линзазавр

...
И будто древних богов
ропот,
и будто дальний набат,
и будто все
великаны Европы
шевелинулись
в своих гробах.

...
Бах сочинил,
я растревожил
свинцовых труб
ураган.
То, что я нажил, –
гений прожил,
но нас уравнил
орган.

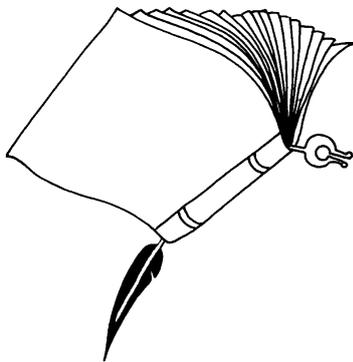
Михаил Анчаров

Олег Фомин

Метаповтор

КАК ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА СТИХОТВОРЕНИЯ

Поэтическое высказывание включает в себе полярные противоположности, поскольку есть сущность стихотворения (эйдетическая простота, цель) и есть его субстанция (сложность и разнообразие стиховой материи, средства), разрешаемые в самом стихотворении, то есть внутренней форме. Стихотворение как самотождественный речевой акт является вовне высказыванием, содержащим целеполагание в себе самом, в этом его эйдетическая простота. Но в стихотворении, «одном стихотворении» — чьи части складываются в единое, целое и простое — представлены средства для выражения этой эйдетической простоты. Таким

образом, стихотворение есть самотождественная форма.

В данном случае давно следует расстаться с расхожими трюизмами по поводу «содержания» и «формы»: дескать, содержание — «материя стиха» и его сущность (это серьезное противоречие), а форма — нечто акцидентальное, привходящее, в чем сказывается мастерство поэта, техника и так далее. Основанием для этой путаницы послужила теория Аристотеля, по которой форма и есть эйдос, но эйдос не есть эйдос без сочетания с материей. Конечно, между аристотелевской концепцией и названным трюизмом огромная разница. Но не будь первой, не было бы и второго. (Аристотелевская субстанция — это не только «подкладка», но и «сущность»). Следствием этого было позднейшее смешение и переворачивание отношений в онтологии.)

В традиционных доктринах об эманации (манifestационистских учениях) имплицитно заложено разграничение сущности (того, что выше), формы (того, что посередине) и субстанции (того, что ниже). Это троеначалье было восстановлено в неоплатонизме, воспринявшем интеллектуальную технику Аристотеля, но основывавшемся на истинно метафизической традиции. Впоследствии аристотелик Фома Аквинский укажет на то, что материя «информирует», она дает индивидуальность (то есть отличность) простоте духа. И как раз в стихотворении эта «информация» и есть собственно «содержание», противоположное тому, что явлено из простоты духа.

Стихосложение, как и любое-бытие основано на двух принципах: метафоры (тождества разного, сворачивания, собирания из многого в одно) и повтора (разности тождественного, разворачивания, рассеивания из одного во многое). Но стихотворение не может сводиться к тому, что «выше» (сущности) или тому, что «ниже» (субстанции), а тем более к самому относительному движению. У стихотворения есть свое собственное внутреннее бытие. И это бытие мучительное, бытие красоты, своего рода креста, на котором распинается духовное в материи.

По гаспаровскому определению стихотворение, если отбросить то, что может привходить, а может и не привходить — метр, ритм, регулярные эвфонические повторы, то есть ассонанс, консонанс, паронимическую аттракцию, анафору, эпифору, наконец, рифму — является тем, что разделено на строки. Это и отличает стихотворение от прозы. Особые случаи — собственно стих (ярчайший пример тому древнерусские «плетения словес») и так называемое «стихотворение в прозе». Но для них необходимо отдельное рассмотрение. Стихотворение же основано на регулярном повторе — повторе отделенных друг от друга посредством абзаца строк. Эти строки различны, хотя они могут быть и тавтологически тождественными. Они различны благодаря месту, занимаемому им в стихотворении. Одно дело сказать единожды нечто, совсем другое — повторить это дважды, трижды, сколько угодно раз. Коннотация стихотворения будет от этого меняться. Таким образом, все строки стихотворения отличаются друг от друга. Но то, что повторяется сама СТРОКА, при различии содержания строк, указывает на принцип метафоры, то есть тождество разного. Но это не метафора сама по себе, как и не повтор сам по себе, а метаповтор, внутренняя форма стихотворения, взятая от сущностной метафоры и субстанциального повтора.

Галина Карташова

Брянск

Неделимое

Пятница – день распятий
поздно пятиться – на запястьях
запятыми неясных пятен
заплетают судьбы следы.

Вторник вторит, среда рыдает,
все подсчеты четверг отвергает
и меноры минор играет
по субботам, а после дым...

Пусть обглодана терпкость терпения,
пережди – впереди
воскресение

Алгоритм

затемнение сознания →
темница →
заключение →
отключка →
где ключ? (всплеск) →
уключина →
плеск →
(блеск – это плеск на бис!) →
колючие ключицы →
неуклюжина →
юг →
коллективный глюк →
глюконат →
каналы →
анналы →
анализ →
мотивный анализ →
поток →
потомок с котомкой →
амок →
замок →
заключение →
темница →
затемнение →
занавес

Из архива ДООСа

Борис Рахманин

(1933 – 2000)

ДООС

Единство

... И бабочки,
летающие маки.
И птица, будто взгляд
стыдливых глаз.
И капель восклицательные
знаки.
И дождь, как дикобраз.

... И маки –
будто бабочки слетелись.
И взгляд, как птица,
юркнувшая в рожь.
И знаков восклицательных
капели.
И дикобраз, как дождь.

Елена Кацюба
«Бабочка дождя» (фото-графика).

ОКОНЧАНИЕ «ЧАКОНЫ»

Случайно ли то, что для больших германских ярмарок вроде книготоргового Ляйпцига, обозначающего несметное множество людей, пользуются тут словом Месса: «церковное богослужение»? Вовсе нет. Как и нету никакой скабрёзости в том, что немецкий вариант евангельского имечка Иоанн произносится как Ёхан. В его начале уже загаён древнееврейский Йах – верховный бог Творения. Созвучный ему саксонский клич: «Ёх!» - подразумевает собою ярмо закабаления и рабства. Ежегодно сюда, на Ляйпцигшину, съезжаются отовсюду ради всемирного меломанского сбора поклонники готического «гроха». Но всему этому грохоту до неприкаянной «прибабахнутости» баховской «Чаконы» далековато. Как и далека отсюда зауральская Страна городков-пепелищ, современница медно-бронзового века. Отскоблили её от налета вечности сравнительно недавно. Но звенящая её медь гремит ещё и по сей час кимвальным бряцанием в степном звукопроводящем эфире. И там, на границе Евразии, будто присыпанный адовым пеплом, парит над вечным забоем Чекотай – кочегарный городишко-призрак. Призрачный, как громopodobная дочка чеканившего ноты ляйпцигского органиста. Услышать её живьём можно в часы церковной службы, проводящейся в Храме святого Фомы-скептика. Эта храмина и является Ёхановым могильником. Но каждому, кто хоть мало-мальски интересуется занимательной германистикой, тому не грех было бы знать. Ёхан – это не безбожная ругань снующих здесь евразийцев, а ниточнейшая русская транскрипция личного имени того органщика, чьё семейное прозвище – Бах – с местного языка на наш, евразийский, дословно перечеканивается как «ручей».

Краем уха кто ни слышал, каков нотный чеканщик был Ёхан? Но никому не ведомо ни сном, ни чиханьем – как чохом, что имя ему не журчащий ручей, а громовая стремнина. Под чеканным надгробьем – его тлен, осенённый крылом серафима. Защекотав окончанья нервишек у тех, кто от грома оглох, Чакона – это ведь медная чеканка, чья зелень златится, как мох. Чтобы вляпаться в чаемый Ляйпциг, среди готически-мрачной мурлы, тут вот всякий приезжий обязан впасть в церквушку святого Фомы.

Далеко ж, на границе Евразии, в зауральской Стране городков, Чекотай – моя вечная отчина, и отчалить туда я готов. Чтоб уверовать мне в мракобесье, разбуянсья церковный хорал – я персты бы вложил в Божьи раны, вынимал бы и снова влагал. Но на Бога мне было б начхать как на ёханного бабая – входи я в отряд «челноков» из адской глуши – Чекотая. И где баховский тлен упокоен, там беснуются бесы не зря: им сгодилась бы медь та для сбыта стратегического сырья.

В грохотанье органных сопёлок и в конце клавикирдной игры под пяту угодил я Чаконе как Хозяйке Медной Горы. За надрыв своих жил заработал её раб огневой магарыч. Чекотайцы же мы – евразийцы – все в рабах у неё, как ни хнычь. И в кафе-шалмане напротив церквухи, где Ёхан запрятан, чертяги, мы рюмками чокались, ругаясь скабрёзнейшим матом. От бражной душевной жажды и я умирал у ручья, как стихослагатель на сборище отъявленного сволочья.

Пьяными впали мы в храм нескончаемого отчаянья, где в слезах надрывалась Чакона. И я слышу её окончанье. Оканчивайся, но не кончайся. И томясь в облаченьях из грома, о ты не чокнулась часом, божье чадо, чеканщика дочка – Чакона? И чекушкой шрапнельного зелья меж теней чекотайских дельцов хлоп по медному я надгробью, к небу подогнанному заподлицо. Раскалённым, как в кочегарке, окончаньем холодного дня из себя – ох! – раба я выдавливал, по той меди чеканом долбя.

Проигрыши канонов услышав, я тебя не окликну, чиканутая громом Чакона, ты к святым причислена лику. Для меня же столь значим исход твой. И Чакона как чухнет по кочкам. По зелёному мху. И заушный мой контакт стал с нею заочным. По накачке седалишных мышц и по чаду болотного мха из подмышек твоих я почуял, как махрова холодная мгла. Этой ранней весною у входа в близлежащую ту чайхану, где – чертяги – мы рюмками чокались, погружаясь в пьяную мглу.

Ёжсья ты в уголке храмнои залы, тебя бабой копра я считай – мы бы в мыслях умчались с тобою в город медных веков – Чекотай. И, ожив, распласталась на мне та чеканка. Души в ней не чая, коченею на уличном холоде в ожиданье её окончанья. И щекоткой по нервам моим ввечеру пробежалась Чакона. Я никчёмен, наверно, но мысль моя в этот часок не никчёмна. Если взять человечность в каркасе осей высшего смысла, тогда она – целая вечность, абсцисса коей есть временная длина.

Человечьего рабства ярмо здесь людьми именуется: «Ёх». С горних высей, не чикаясь, Ёхан сам о низость замельную – грох! У него животина в жилетке – как брюшина у жирной хавроньи. Органчик взревел – то бабахнул броневой снаряд на «Авроре». Но журчит себе потихоньку громогласнейший ручеек. Ляйпциг глух, и в нём бдящие сонмы ну, ни в сон ведь не верят, ни в чох. Нежный щёкот растёкса б ручьиисто – гладь чертовке Чаконе я пах, ей в чаду бормоча: – Аллилуйя – это значит «Славься, Йах».

Елена Бертолло

Новосибирск

Реалист

Откуда Это взялось и куда подевалось То?
Куда подевалась тишина и откуда этот пчелиный рой в моей голове?
Может, я не могу ощущать себя реально потому, что не Реалист?
Тогда я сделаю Реалистом.
Мужчина с кудрявой бородой, похоже, Реалист...
Конечно, вот нарисована сосна, вот – берёза, он – Реалист.

Человек: Мужчина, вы Реалист?

Реалист: Конечно. Вот посмотрите сосна, вот – берёза, вот – я, Реалист, и я помогу вам. Покажу Путь, научу жить. Хватайте кисть и палитру, тащите сюда. Да шевелите же руками – ногами!

Человек: Подождите, пожалуйста, я не успеваю, моя голова начинает отставать, всё рассыпается – тело, голова. Я не чувствую себя, ничего не чувствую.

Реалист: Это нормально, так и надо, продолжайте, делайте, как говорю.

Человек: Нормально? Да подите вы! И вовсе вы не Реалист, ваша жизнь тоже как сон!

Снайпер: Это я – Реалист, ступайте за мной. Есть верный способ избавиться от мыслей – потерять голову...

Человек на высоком берегу – отличная мишень для Снайпера.

Снайпер стреляет для забавы, оттого всегда попадает в цель.

– Эй! – окликнет Снайпер Человека.

Спина Человека качнётся, покажется лицо, красивое и странное, с перевёрнутыми глазами.

Последнее беспокоит Человека, он часто моргает и пытается хоть как-то исправить положение – растирает глаза кулаком.

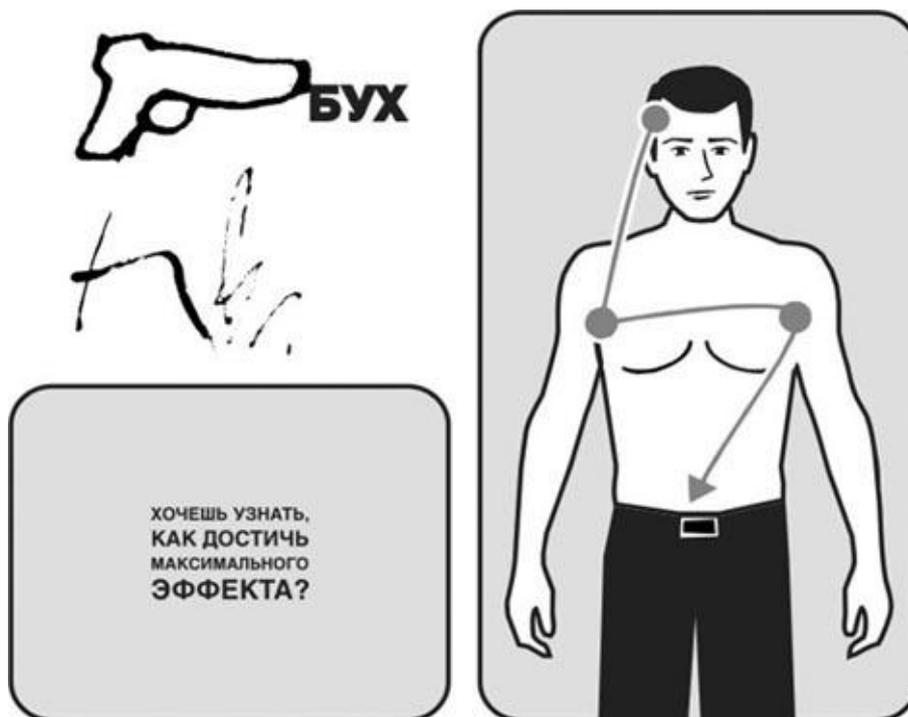
– Бух! – скажет Снайпер безжалостно.

Облетит, покинет обрывистый берег бутафорская мраморная крошка. Описаются женщины «с испуга». Упадёт Человек.

Возьмется хрустящей корочкой на морозе его простреленный висок.

Мы сами определяем влияние объекта на нас.

Композиция Елены Бертолло

Содержание

Тексты

1-2 – Хроника событий.
3 – К.Кедров.
4 – А.Вознесенский
5 – Е.Кацюба
6 – А.Гринвальд
7 – М.Бузник
8-9 – Б. Лежен
10 – С.Бирюков
11 – Е.Степанов, Ф.Цаголова
12 – И.Витухновская, А.Иванов
13 – К.Зейтунян-Белоус,
А.Кудрявицкий
14 – А.Ткаченко
15 – А.Полонская, А.Моцар
16-17 – А.Бубнов
18 – В.Мельников, С.Литвак
19 – Д.А.Пригов, А.Земель
20-21 – А.Парщиков, А.Альчук
22 – В.Рабинович, В.Нарбикова
23 – А.Врадий
24 – Н.Азарова, С.Германцев
25 – Х.Л.Реина Палазон
26 – Н.Беляев, Е.Сазина
27 – А.Кессельман
28 – В.Друк
29 – Янг Чунгуань, Сунь Юэ
30 – Элана, А.Федулов
31 – А.Сокульский
32 – П.Боуран, Д.О'Каллахан,
Д.Иган

33 – П.Сирр, А.Максуэлл, П.Михэн, Ф.Ормсби
34 – А.Лийхи, Д.Вудс
35 – М.Вудс, Д.Риди, К.О'Шарки
36 – Б.Викторов, Т.Щербина, А.Бабулевич
37 – С.Мнацаканян, А.Золотарева,
Е.Круглова
38 – О.Ильницкая
39 – А.Чернов
41 – Х.Джексон, М.Лизогуб, А.Люсий
42 – М.Дзюбенко, С.Гурарий
43 – М.Анчаров
44 – О.Фомин
45 – Г.Карташова, Б.Рахманин
46 – С.Гуданов
47 – Е.Бертолло

Графика:

Е.Бертолло 47
Г.Виноградов 38
А.Врадий 6, 42
О.Голубева 19
К. Зейтунян-Белоус 6, 11, 13, 14, 15, 23, 26, 36
Б. Лежен 8
Г. Мальцева 24, 29, 40
В.Опара 31
И. Ревякин 12

Фото: В.Ахломов 43

Фото-графика: Е.Кацюба 5, 19, 21, 22,
25, 39, 45

Спонсор номера – Евгений Викторович Степанов

Издательская компания и типография Евгения Степанова
«Вест-Консалтинг» предлагает следующие услуги:

- создание и сопровождение Web-сайтов;
- выпуск книг, газет, журналов, буклетов, карманных календарей тиражом от 1 экземпляра;
- восстановление раритетных книг и фотографий;
- изготовление визиток;
- сканирование на профессиональном оборудовании;
- офсетная печать;
- тиражирование на ризографе;
- термопереплет;
- твердый переплет;
- тиснение золотом;
- консалтинг;
- PR;
- проведение выставок, презентаций, пресс-конференций, семинаров.

В нашей фирме трудятся профессиональные кадры Москвы. Мы выполняем работы на собственном полиграфическом оборудовании! Наши цены ниже, чем у конкурентов.

Альманах
«Журнал Поэтов»
№ 7 (19) 2004

Учредитель группа ДООС
(Добровольное общество охраны стрекоз)
при участии всемирной организации писателей
(Русский ПЕН-клуб),
ассоциации поэтических обществ ЮНЕСКО,
Академии поэтов и философов
университета
НАТАЛЬИ НЕСТЕРОВОЙ
nesterova.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
КОНСТАНТИН КЕДРОВ
metapoet.narod.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ Е.Кацюба

(ответственный секретарь)
slovart.narod.ru.
С.Бирюков, канд. филол. наук
(Германия)
В.Вестстейн, профессор
(Нидерланды)
А.Витухновская
А.Кудрявицкий (Ирландия)
Т.Латауэрс, профессор (Нидерланды).
Б.Лежен (Франция).
Й.-В.Мисявичюс (Литва).
В.Рабинович, профессор кафедры философской антропологии МГУ.
В.Нарбикова.
А.Ткаченко, ген.секретарь Русского ПЕН-клуба.

Дизайн номера: Е.Кацюба.

Дизайн обложки: ЯKrasnovsky.

Знак «Рикошет»: А.Врадий

Эмблема ДООСа: С.Бордачев.

Парадиз – диез боли из-
ыди из
Наг ор – рога орган
Но к органу наг рок он
А семья – месса
Ах Бах
Нагой Иоганн
Иоганн нагой –
Бах орал
Бах ор ал
Бах хорал
Стонет – сто нет
Хрип кирх
Орган наг ор
Орган наг рок

Апд ролл
Роль
Ори орган
Нагромождай
Гром на гром
Кирх хор
Кирие –

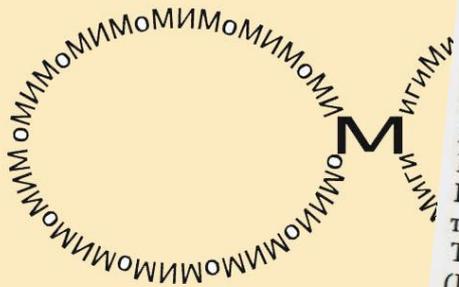
Ре – си –
Элей – си –
И лей сон
Элейсон
До минус ре ре
Доминус мизере-ре
Бог неба – Бах
Бах неба – Бог

Константин Кедров. «Фуга Баха»

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ: «Рокировка – шахматный палиндром»

АНОНС

Елена КАЦЮБА. «Очки вечности»

«Журнал Поэтов», № 7 (19), 2005, главный редактор – Константин Кедров.

Вышел очередной номер «Журнала Поэтов». Что приятно удивило? Значительно расширился круг авторов. Это и поэты Ирландии в переводах Анатолия Кудрявицкого, и поэты Саратова – Элана и Андрей Сокульский, и Анна Золотарева, и Елена Круглова (Дальний Восток – Москва), и многие другие новые имена. Кедров и Кацюба умеют найти даже у самых отъявленных традиционалистов стихи необычные, ориентированные на поиск. Так у Сергея Мнацаканяна выискали интересные верлибры. (Попутно заметим, что в случае с Д.А. Приговым оказались бессильны даже Кедров и Кацюба...). Любопытна статья Михаила Дзюбенко «Три рубля», посвященная творчеству Алексея Парщикова, который, как выясняется, оказался поэтом-пророком и предсказал (предвидел) многие события общественно-политической жизни. М. Дзюбенко, анализируя, в частности, строчку Парщикова «В глобальных битвах победит Албания...», пишет: «Ну, кто мог предвидеть в сравнительно тихом 1986 году балканскую резню 1990-х, отделение Косова...» Парщиков, один из лучших современных поэтов, безусловно, заслуживает такой статьи. Очень хороши стихи Elsas (Елены Сазиной), Александра Чернова, визуальная поэзия Александра Федулова, Елены Кацюба... И многих других.

Дети Ра

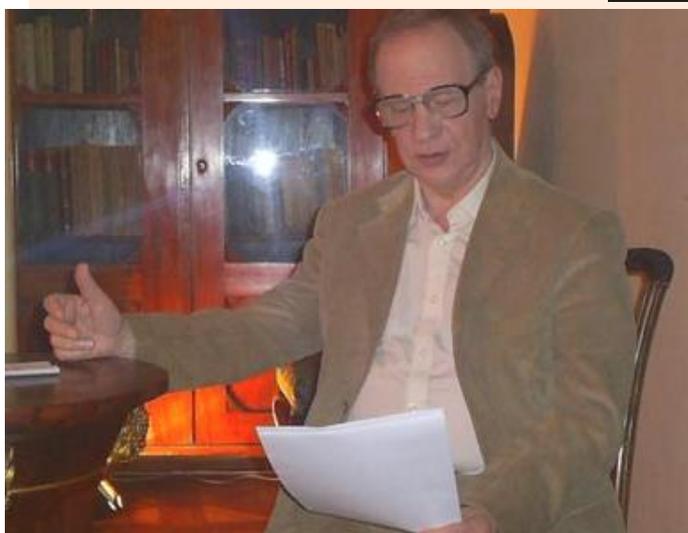

литературно-художественный

Евгений СТЕПАНОВ

Константин Кедров и Елена Кацюба с Журналом ПОТОВ «Ах Бах» участвовали в музыкальном спектакле «На ухаБАХ БАХА» в театре «Амадей» 17 мая 2005 г.

Константин Кедров:

«Бах преобразует орган в рояль
Орган для него всегда органичен
зато в рояле он мелодичен
Орган нужнее
Рояль нежней...»

Елена Кацюба:

«Органавт Бах в тигле Лейпцига лады плавил возгонял звуки в каменной реторте Томаскирхе...»

Константин Кедров: «Бах шагает многоэтажно –
Бах вышагивает хорал...»

Андрей Житинкин и Валерий Золотухин на презентации.
Житинкин: «Культура издания и текстов, которые мы сегодня
услышали, грандиозны, достойны широкого освещения. В наше
стране это необходимо!»

Александр Чернов:
«Если не можешь вспомнить – переспроси у неба,
Если забыть захочешь – перескажи другим...»

Презентация Журнала Поэтов № 7
«Ах Бах»
в центре «Русское зарубежье».

Елена Кацюба: «Готики закат
золотил парик Баха –
руно барокко...»

Алина Витухновская:
«Он обряд несочиненный
Прочитает, пораженный
Тем, что в звуках поглощенный,
Он иной...»